

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Б. В. АКСЮМОВ	профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
И. Ю. АЛЕКСЕЕВА	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доцент
Н. К. АНОХИНА	заведующая кафедрой социологии, политологии и права Сибирского государственного индустриального университета, доктор культурологии, кандидат технических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН	профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Т. В. ГЛАЗКОВА	доцент кафедры иностранных языков Российской академии музыки им. Гнесиных, кандидат культурологии
В. И. ЕРЕМЕНКО	заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат философских наук, профессор
О. А. ЖУКОВА	профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
С. Ю. ИВАНОВА	заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор
В. И. КАШИРИН	профессор Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
С. С. КОМИССАРЕНКО	профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
В. А. КОНЕВ	заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор
И. В. МАЛЫГИНА	директор Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор
Ф. Т. МАМЕДОВ	профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
А. Н. МОСЕЙКО	ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
С. С. НЕРЕТИНА	главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук
И. Н. ПАНАРИН	координатор Аналитической ассоциации Организации Договора о коллективной безопасности, доктор политических наук, профессор
К. С. ПИГРОВ	профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук

Г. А. ПРАЗДНИКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
В. А. ТИШКОВ	директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Б. Г. ЮДИН	заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

В. А. ТИШКОВ: — Уважаемые коллеги! Начинаем работу нашей секции. Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Несколько слов от имени Оргкомитета. В Международных Лихачевских научных чтениях принимают участие полторы тысячи человек, работают семь секций. От Оргкомитета я хотел бы всех поприветствовать и пожелать успешной работы.

Профессионально я ближе всего этой секции, поэтому хочу сказать несколько слов именно здесь, нашему научному культурологическому цеху. Работа Оргкомитета в этом году была, пожалуй, тяжела, как никогда, потому что образовался огромный разрыв между тем, что происходит в культурологическом цехе, и реальными потребностями государства, властных структур, общества, профессионалов, которые работают в разных сферах деятельности (экономистов, юристов и др.).

Мне, как первому доктору культурологических наук в нашей стране, приятно, что культурология стала модной отраслью научного знания. Как несколько лет назад она вобрала в себя рекламу и связи с общественностью, сегодня культурология вбирает представителей иных научных знаний: философов, филологов, историков и др. Это замечательно. Но в то же время формируется тенденция отрыва нашей области научного знания от реальных потребностей, практики. С философией это уже произошло, она погрузилась в дебри решения внутренних инструментальных задач и во многом перестала быть интересной обществу.

Вячеслав Семенович Степин, выступая на Философском конгрессе, заметил, что необходимо вернуть философии статус науки, имеющей непосредственное отношение к практике, отвечающей на практические вопросы жизни. Тем более такая задача стоит перед культурологией, которая в структуре научных дисциплин сегодня заняла место между философией и конкретными дисциплинами: литературоведением, филологией, этнографией, историей и т. д. Задача культурологии заключается в осмыслении структуры, морфологии культуры, динамики культурных процессов. Когда мы этого не делаем, в жизни происходят страшные вещи.

При подготовке к Лихачевским чтениям я заметил, что в деятельности отдельных моих коллег имеет место недопустимый консерватизм. Тема Чтений — «Диалог культур», а замечательный профессор из любимого мною вуза присылает доклад о том, что такое культура. Это, может быть, интересно ему, но стране давно не интересно. По критерию новизны и соответствия тематике я был вынужден отклонить большое количество докладов, а уважаемых мною авторов просить переписать доклады.

Культурологические знания сейчас чрезвычайно востребованы мировой цивилизацией. Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Правительству РФ нужны конкретные ответы на вопросы, их должна дать наука. Так же как и Министерству иностранных дел чрезвычайно важны практические рекомендации по построению диалога культур, а мы витаем в облаках. Поэтому я призываю участников секции сфокусироваться на болевых точках цивилизации. В нашей стране остро стоят этнические проблемы. Какие ответы может дать культурология? Уже есть неудачный опыт Германии, Франции в том, как там понимают мультикультурализм и реализуют его практически. Отечественная культурология может предложить другое понимание мультикультурализма? Вероятно, да. Мы должны генерировать идеи, которые потом лягут в основу государственной политики, а мы все еще занимаемся изучением индейцев Аляски. Я не против, но если бы мы могли из опыта индейцев Аляски извлечь что-либо ценное для развития нашей культуры (например, в сфере контактов с Кавказом), было бы прекрасно. Как они адаптировались в американскую культуру, что с ними происходило, какой урок был извлечен для развития государства?

В результате наше знание остается невостребованным. Поэтому мне кажется чрезвычайно важным, чтобы у нас сегодня состоялся предметный разговор с формулировкой идей.

Михаил Борисович Пиотровский (арабист, а не культуролог) однажды сказал: «Человек должен учиться жить в разных культурах». Почему не мы это сформулировали? Мне бы хотелось, чтобы материалы заседания сегодняшней секции содержали как можно больше крупниц позитивной мысли. Сейчас мы проводим анализ материалов, накопленных за годы проведения Лихачевских

чтений, на основе которого попробуем сформировать банк конструктивных идей.

Я прошу настроиться на дискуссию и не терять болевой нерв, выработать идеи, концепции, которые потом можно развивать и использовать. Мы должны быть нацелены на результат. Я уверен, что результаты будут — секцию ведут выдающиеся ученые академики Тишков и Лекторский. Желая успехов в работе!

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич, за важное выступление, нацеливающее нас на обсуждение, в том числе практических вопросов. Вы сказали о том, что философия где-то витает, но сейчас в мире и нашей стране проявляется другая тенденция. В Курчатовском институте создали Центр альтернативных исследований, где нейробиологи изучают идею создания супермозга, но они постоянно привлекают философов для обсуждения вопросов. Так что философия востребована.

Слово для выступления предоставляется профессору Борису Владимировичу Аксюмову.

Б. В. АКСЮМОВ: — Позвольте сказать несколько слов о коренных переломах в развитии современной культуры, месте современной России в этом процессе и проблемах Северного Кавказа, которые меня волнуют.

Первое — современное развитие мировых культурных процессов характеризуется острой внутренней конфликтностью, столкновением разнонаправленных тенденций развития, противоречащих друг другу идей и принципов, смыслов и ценностей бытия. Главное внутреннее противоречие современной культуры состоит в острой конкурентной борьбе между современностью (ее даже можно назвать постсовременностью) и традиционализмом, секулярной и религиозной моделями социокультурной эволюции. Амплитуды развития современной культуры очень широки. Если мы берем религиозный компонент, то, с одной стороны, это постхристианский Запад, который во многом уже оторвался от своей религии. Недавно в Интернете я прочитал заметку о том, что 9 стран (Дания, Норвегия и др.) уже, по сути, стали безрелигиозными. Это очень показательный факт. С другой стороны, мы видим в исламском мире нарастание религиозного фанатизма, терроризма, экстремизма и пр. Это одна амплитуда, которая проходит по религиозной линии.

Если рассматривать проблему соотношения современности и традиционности, то здесь мы видим, с одной стороны, прорыв в XXII век, полеты в космос, постмодернизационную экономику, а с другой — возвращение к архаике, традиционализму. Эти амплитуды сегодня определяют развитие современной мировой культуры.

Несколько слов о России и Северном Кавказе, чтобы показать их место между этими амплитудами. Так или иначе мы вынуждены противопоставлять Россию и Северный Кавказ, хотя я считаю Северный Кавказ неотъемлемой частью Российской Федерации. В последнее время, к сожалению, часто приходится слышать, что Северный Кавказ нужно отделить, настолько эта

территория несовместима с остальной Россией по ценностям и принципам. Возможно, это в какой-то степени справедливо, но это не значит, что нужно ставить вопрос об отделении Северного Кавказа.

На мой взгляд, современная Россия окончательно встала на путь модернизационного развития. Проект модернизации, о котором так много говорят в последнее время наши политики, в частности Медведев и Путин, устремлен в будущее. Аналогичные процессы проходят и в культурной сфере. Идет модернизация экономики, с одной стороны, и постмодернизация культуры — с другой. На Северном Кавказе мы наблюдаем совершенно противоположные процессы — демодернизацию экономики и архаизацию культуры. Мы видим несовпадение, расщепление развития России и Северного Кавказа. Большая часть регионов России идет по пути модернизации, постмодернизации. А Кавказ — наоборот. Эта асимметрия, «брешь» в культурно-цивилизационном развитии России сегодня определяет конфликты и проблемы на Северном Кавказе: терроризм, экстремизм, этнополитический кризис, существование клановой системы и пр.

Возникает вопрос: каким образом все это гармонизировать? Возможно ли сделать Северный Кавказ неотъемлемой частью Российской Федерации не только с точки зрения государственного целого, территории, но и с точки зрения культурно-цивилизационных принципов? Конечно, в настоящее время трудно говорить о том, возможно ли это в принципе, но, безусловно, такие усилия следует предпринимать.

Государственная политика в этих непростых условиях должна быть направлена на разрешение сложившихся противоречий между современностью и традиционностью, секуляризмом и десекуляризмом, на реальную модернизацию северокавказского социума. Вместо этого, в том числе и благодаря внедрению религиозного образования, произошла существенная исламизация современной культуры ряда республик Северного Кавказа. Активная миссионерская деятельность по проповедованию радикалистских версий ислама, массовое обучение студентов в сомнительных зарубежных университетах, государственная поддержка, оказываемая «традиционному» исламу, привели к тому, что социокультурные процессы в Северо-Кавказском регионе в чрезмерной степени акцентированы на религиозном компоненте. Как следствие, противоречие между секулярным и религиозным, современным и традиционным не только не разрешается, но становится еще более выраженным, и попытки модернизации оборачиваются еще большей архаизацией региона. И задача по интеграции Северного Кавказа представляется все более трудновыполнимой.

Для иллюстрации хочу привести один пример. Недавно проводилось исследование уровня развития разных видов идентичностей в Северо-Кавказском регионе. Эти исследования показали, что уровень идентичностей, таких как этническая и религиозная, очень высок. Уровень этнической идентичности — более 80 % в целом по республикам Кавказа, наиболее выражен на востоке Кавказа (Чечня, Ингушетия и Дагестан); уровень сформированности религиозной идентичности —

более 90 % (особенно в Дагестане — 90,5 %). При этом уровень гражданской идентичности является достаточно сформированным и высоким — более 70 %.

Здесь возможны два подхода: одни исследователи говорят о том, что эти виды идентичности — дифференцирующие и интегрирующие — дополняют друг друга, а не противостоят друг другу, и на их основе можно сформировать некий синтез, единое социокультурное и культурное цивилизационное пространство России и Северного Кавказа. Другие, и я отношусь к их числу, говорят о том, что эти цифры показывают разрыв, брешь, о которой я уже говорил.

Гражданская идентичность, с одной стороны, и этноконфессиональная идентичность — с другой, часто выступают как конкурирующие, конфликтующие, сталкивающиеся между собой. К сожалению, на сегодняшний день процессы дезинтеграции становятся все более очевидными. И мы видим, что весь мир этим охвачен, и на глобальном уровне, и на региональном это тоже проявляется. Россия как страна, основанная на нескольких цивилизационных началах или идеях, в большей мере, чем многие другие страны, подвержена влиянию глобальных противоречий современного развития мировой культуры.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Ирине Юрьевне Алексеевой.

И. Ю. АЛЕКСЕЕВА: — Считаю большой удачей, что выступаю после профессора Аксюмова. С удовольствием читаю его работы, потому что он не боится затрагивать острые вопросы и осмысливать опыт, который он и люди, живущие на Северном Кавказе, переживают и который для них значим и актуален.

Валерий Александрович Тишков на пленарном заседании затронул вопрос о том, кто такие россияне. Мы помним, когда Борис Николаевич Ельцин употребил словосочетание «дорогие россияне». Многие были удивлены, потому что в Толковом словаре русского языка 1980-х годов россияне — это устаревший, высокопарный синоним слова «русские». А сегодня россияне — это современное слово, которым обозначают гражданина Российской Федерации. Например, мои русские соседи из Молдавии говорят: «Мы русские, но не россияне», потому что у них нет гражданства Российской Федерации.

Мне представляется в данном контексте важной и интересной концепция культуры, которую разрабатывает Вячеслав Семенович Степин. В этой программноцентричной концепции культура рассматривается как система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Выделяются три уровня: реликтовые, архаичные программы, современные и новаторские. Возникает вопрос: может ли существовать российская культура, объединяющая русскую и чеченскую культуры? Я думаю, что может и должна существовать, и это вопрос разработки, создания новаторских программ. Миссия создания таких программ лежит на нас, представителях интеллектуального слоя.

С одной стороны, сегодня мы наблюдаем мультикультурализм, с другой — монокультурализм. Чего не

хватает на фоне кризиса мультикультурализма, о котором многие говорят? Я считаю оправданным введение понятия «метакультура». Этот термин употребил Даниил Андреев в своем мистическом учении. Говорить о российской культуре как включающей русскую и чеченскую как минимум странно, но о метакультуре Российской Федерации мы можем говорить. И не только как о реальности, но и как о потенци, задании.

Вообще в 1990-е годы многие религиозные программы, которые считались архаичными, стали восприниматься как новаторские. Частнособственнические настроения, тоже воспринимаемые как архаичные, стали новаторскими. Сегодня важно понять, что новаторские программы должны создавать мы, при этом меняя язык, вводя новые термины, например «российская метакультура».

Еще одна важная задача — это программа русской метакультуры. Может быть, здесь мы можем придать уже новое значение старым понятиям и ввести новые, включающие русскую, украинскую и белорусскую культуры.

Вчера на пленарном заседании украинский археолог говорил о необходимости воссоздания империи. Конечно, сложно поставить такую задачу — воссоздать империю, это не политкорректно и по сути неверно. Но мы знаем, сколько сил и средств направляется на то, чтобы воспитать настоящего украинца, который «убил» в себе русского. А ведь не у всех получается «убить». На пленарном заседании один из докладчиков говорил о том, что Украину не берут в Европу, и украинцы, может быть, не верят, что «убили» в себе русских, может быть, в какой-то ситуации проявится то, что они русские.

Мы помним, что было такое государство — Русь, Великая, Малая и Белая. Если вместо Малороссии использовать слово «Перворусь», то можно говорить о великорусах, белорусах и перворусах, это будет исторически оправдано, потому что Русью называлась лишь небольшая территория, куда входили Киев, Чернигов. Если в новгородских берестяных грамотах написано, что человек поехал из Новгорода на Русь, значит, он поехал в Киев или Чернигов. Здесь возникает много вопросов для специалистов, но во всяком случае это новое смысловое поле.

В. А. ТИШКОВ: — На трибуну приглашается профессор Надежда Гегамовна Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Поскольку вчерашний день был насыщен разными высказываниями, идеями, сегодня хотелось бы высказать свое мнение по поводу услышанного вчера и сегодня. Из всего спектра идей, позиций, которые были высказаны вчера, я остановилась бы на двух. Первое — это тезис В. Т. Третьякова о том, что хватит разговаривать по поводу диалога, все это без толку, и само понятие диалога вряд ли уже может быть использовано и т. д. Второе — высказывание господина Толочко по поводу империи: он сказал, что это лучшее, что создало человечество, и что развитие возможно только в крупных объединениях.

Я вспомнила самое маленькое государство Люксембург, где с точки зрения развития нет проблем. В связи

с тем, что мы услышали, приведу одну цитату Омара Хайяма: «Большая часть из тех, кто в настоящее время имеет вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науку за пределы подделки и притворяясь знающими». Мы стали свидетелями упадка науки, осталась малочисленная когорта людей науки. Суровость нашего времени препятствует им всецело отдаться совершенствованию, углублению своих навыков. Омар Хайям известен не только как автор рубаи, но и как великий ученый.

Вторая маленькая реминисценция — Лев Толстой писал о том, что наука — пустое занятие, удовлетворение любопытства ученых. Наши современники, жившие при советской власти, добавляли: удовлетворение любопытства ученых за счет государства. По мнению Толстого, за всю историю науки ученые ничего народу не дали.

Мне сложно согласиться с некоторыми высказываниями о культурном разнообразии. Этот принцип создает базис, основу методологии смены цивилизационной парадигмы. То, что сегодня происходит в мире, его движение дает нам совершенно другие послы. Культурные образцы, с которыми мы имели дело еще совсем недавно, сегодня меняются, как и весь категориальный аппарат. Например, когда мы произносим слово «француз», возникает образ Франции, которую мы знаем по классике. Это исторический, историко-культурологический, чрезвычайно интересный материал.

Что происходит сегодня? Страны Европы демонстрируют третью реальность, третий тип культуры. Посещая европейские страны, мы удивлялись, как много там некоренного населения. Сегодня меняется этот тип культуры. Это принцип заложен в основу любых сложных (особенно сверхсложных) систем.

Апеллируя к тому, что сказала Ирина Юрьевна, хочу сказать, что нужны новые понятия. Категориальный аппарат, с которым мы до сих пор имели дело, не дает возможности работать с новыми социокультурными реалиями. Поэтому складывается принцип культурного разнообразия. Это серьезная универсальная методология для любых сложных и сверхсложных систем, природных и не природных.

В. А. ТИШКОВ: — Мы заслушали три доклада, связанных с практическими современными проблемами. Игорь Николаевич Панарин, пожалуйста, выскажите свое мнение.

И. Н. ПАНАРИН: — На пленарном заседании представитель Китая сказал, что они изучают уроки советского развития и краха. Я согласен с тезисом Аксумова о том, что Северный Кавказ органично развивается в рамках глобализации. У Северного Кавказа нужно учиться защитным механизмам по сохранению национальных традиций, обычаев и т. д. В православной России строится много храмов, внутри остальной России происходят другие процессы. Как совместить два диалога — исламский и православный? Это большая проблема, но ни в коем случае нельзя их противопоставлять.

А. Н. МОСЕЙКО: — На пленарном заседании был поднят вопрос, очень важный с моей точки зрения, о болевых точках культуры. И одной из таких болевых точек являются ценности и смыслы. Сегодня в выступлении Н. Г. Багдасарьян прозвучала интересная мысль о незападном мире, который она назвала третьей реальностью. Еще Тойнби в своей последней работе «Цивилизация перед судом истории» поставил вопрос о взаимоотношениях мира и Запада. Сейчас закладывается аппарат для оценки взаимоотношений Запада и незападных стран. Так, Айзенштайн сформулировал положение о многих современностях, он сказал, что сейчас нельзя говорить о единой современности, под которой подразумевается западная, есть различные современности и каждая незападная страна вступает в свое развитие в соответствии со своим пониманием современности. Недавно я прочитала несколько работ. В исследовании одного британского ученого высказывается мысль о монокапитализме, в частности о важности капитализма с азиатским лицом. Австралийский исследователь говорит о том, что сейчас мир формирует новые ценности, что популярность и идеал Запада уже поникли и сейчас на первый план выступают другие страны. Болевая точка — это незападные общества.

В. А. ТИШКОВ: — Следующий докладчик — Глазкова Татьяна Вацлавовна.

Т. В. ГЛАЗКОВА: — Темы диалога культур я касаюсь постоянно, потому что преподаю русский язык как иностранный. И в своих рассуждениях мне бы хотелось оттолкнуться от фразы, которую вчера на пленарном заседании произнес Владислав Александрович Лекторский, сказав, что диалог невозможен, если все участники совпадают во мнениях, и в том случае, если они полностью расходятся во взглядах. Когда мы говорим о диалоге, то чаще всего настроены не на дискуссию, а на полемику, в то время как, наверное, правильнее было бы находиться в русле дискуссии и искать общие точки соприкосновения.

В диалоге культур наилучшим образом проявляется специфический характер каждой культуры, поскольку условием диалога становится поиск общих точек соприкосновения феноменов, заведомо различных по содержанию культурных смыслов, вкладываемых каждым участником межкультурного обмена, коммуникаций в систему своих базовых ценностей. Разумеется, в каждой культуре существует своя система ценностей, и отношение к этой системе определяется благодаря культурным смыслам, которые содержатся в концептах. Построение концептосферы, понятия концепта, несмотря на разность наполнения, позволяет различным культурам вступать в диалог.

В свое время в работе «Этика нигилизма» Семен Людвигович Франк, определивший культуру как совокупность коллективных ценностей в общественно-исторической жизни, подчеркивал, что такое восприятие культуры характерно для европейцев, но не принимается русской интеллигенцией, настроенной в этом смысле антикультурно в силу общего жизнеустройства

России. Разумеется, со временем понятия уточнялись, но здесь, может быть, можно обратиться ко вчерашнему выступлению профессора Тощенко, который говорил, ссылаясь на социологические исследования, о несовпадении заявленной ценностной шкалы и поведения людей, выявляемом в социологических опросах.

Указание Франка, на мой взгляд, весьма симптоматично в связи с обсуждаемой темой диалога культур и содержания смыслов и ценностей в рамках этого диалога. Разность в понимании концептов культуры, всех ценностей, его составляющих, и смыслов, возникающих в результате формирования отношения к основным или базовым ценностям, репертуар концептов, включаемых в концептосферу культуры, — все эти факторы необходимо учитывать при подготовке к диалогу культур и ведении этого диалога в условиях мультикультурной ситуации общения. Они проявляются в процессе диалога на самых разных уровнях — понятийном, символическом, вербальном, невербальном, экстралингвистическом. Знание и понимание собственных культурных кодов, владение ими создают условия для диалога с другими культурами. Но продуктивное существование в этом диалоге невозможно без понимания права другой культуры не только на свою систему ценностей, но и на иной смысл ценностей, идейно-содержательный план которых кажется единственно возможным в культуре.

Таким образом, в диалоге культур происходят многочисленные процессы декодирования культурных смыслов, рождаемых концептами культуры и раскрываемых в системе, именуемой концептосферой. В заключение важно заметить, что, ведя диалог, мы должны ориентироваться на оппозицию «свой–другой», а не «свой–чужой». Впрочем, об этом довольно много говорится в литературе, в частности, посвященной поиску идентичностей.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Жуковой Ольге Анатольевне.

О. А. ЖУКОВА: — Уважаемые коллеги, я рада приветствовать вас на очередных Чтениях, вновь общаться с вами и поделиться своими соображениями, тревожащими меня как человека, принадлежащего к интеллектуальной традиции, к традиции русской интеллектуальной культуры. Я в большей степени буду говорить о ценностях и смыслах, практически не меняя главную тему своего доклада, который был опубликован на сайте.

Диалог сегодня — это скорее наше желание и декларация намерений, а в реальности мы наблюдаем особую форму встречи разных культур, интересов, жесткую конкуренцию, переходящую в конфликт картин мира, ценностей и смыслов. На пленарном заседании было справедливо отмечено, что одним из основных трендов современной цивилизации является неоварварство, которое можно охарактеризовать как сверхархаичку культур, достигших значительных результатов своего исторического цивилизационного развития, культур, которые претендуют на универсальное положение в истории мировой цивилизации.

В данном случае меня, как специалиста по русской культуре, волнует судьба русской интеллектуальной культуры. Современные российские интеллектуалы, наследники богатейшего достояния России, поражены в своих правах. Мы видим это практически ежедневно, это является политической повесткой дня.

Что можно сделать? Власть определяет наше отношение, и главное заключается в культурной политике, стратегии доминирующих властных элит, которые формируют запрос на тип общества и тип культуры. Какой он? Это традиционная личность, традиционное общество модерна и постмодерна. Современная российская власть в этих контурах, концептах не может определиться, и мы наблюдаем бесконечно понижаемый и понижающийся уровень интеллектуальной культуры. И дело не только в массовизации сознания, которое сопровождает общие процессы глобализации, а в том, как определяется субъект исторического развития, главный автор современности, кому делегируются цель и задача строить, конструировать современность, осваивать историческое наследие.

Должна отметить, что современным российским интеллектуалам роль коммуникатора и автора современности пока, увы, не принадлежит. Мы вынесены за скобки публичного пространства, и наш голос во многих важных, судьбоносных моментах развития страны не учитывается. Вообще в России судьба интеллектуальной культуры, безусловно, трагична, как и судьба философа, и судьба личности. Собственно, эту ситуацию демонстрирует не только история XX века, но и в целом история Руси, России — от Максима Грека, который приехал сюда с просветительской миссией и оказался репрессирован, до мучительной мысли Чаадаева, русских философов-эмигрантов и тех, кто остался в Советской России и принял на себя миссию внутренней эмиграции (Лосев, отчасти Лихачев, Бахтин), сохраняя этот накал и субстрат русской интеллектуальной культуры только как субкультуру личности.

Мы стоим перед неразрешимым вопросом модификации интеллектуальной культуры: русская традиция должна сохранить себя или двигаться в сторону классической интеллектуальной культуры Запада? В этом случае современный философ, гуманитарий — это интеллектуал, демонстрирующий инструментальный характер экспертного знания. Сохраняет ли он в себе моральные характеристики русской интеллигенции, отменяя задачу творческой свободы и одновременно моральной ответственности?

Мне кажется, что трудный путь синтезирования морального начала интеллектуальной культурой и чисто инструментального, прагматического знания современной российской интеллектуальной элитой еще не пройден, хотя, конечно, сохраняется пафос просветительства и отстаивания главных ценностей, определивших в том числе и духовный облик русской интеллигенции. Наше общество сегодня очень нуждается в скрепляющих смыслоразличительных установках (воспользуюсь формулой Льва Наумовича Когана, одного из своих учителей, который предпочитал говорить о смыслоразличительных установках). Такую задачу мы должны сегодня определить для себя, чтобы наш голос был услышан

и в публичном пространстве роль русского интеллигента и интеллектуала была признана структурообразующей, целеполагающей.

На мой взгляд, до сих пор перед нами стоит задача освоения корпусов текстов и интеллектуальных традиций России. Владислав Александрович — автор и один из редакторов книжной серии «Философы России», этот труд российские философы взяли на себя. К сожалению, сегодня не существует интеллектуального образца, лица, примера, на котором школьник, студент, человек современного российского общества может строить свою жизнь. Отсутствие интеллектуальных примеров, образцов — это большая проблема.

Еще один определяющий момент — это отсутствие связи между производством смысла, которым занимается, может быть, замечательная, но все-таки узкая группа интеллектуалов, и производством знаний, то есть трансляция этих смыслов в ткань современной культуры, что может быть реализовано только через институты социального образования и воспитания. Вот эта «связка» плохо работает, и, к сожалению, условия для того, чтобы эта трансляция происходила, не создаются. Мы видим, что сегмент гуманитарного знания сокращается и образовательная и культурная политика нашего государства, к сожалению, этому не способствует.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что процесс выделения индивидуального «я», личностная рефлексия из коллективного «мы» в целом представляет собой путь сложения философской интеллектуальной культуры, которая рефлексивна над мифами и сомневается в привычной, традиционной картине мира. Это, пожалуй, остается главной задачей для современных российских интеллектуалов.

В. А. ТИШКОВ: — На трибуну приглашается профессор Ирина Викторовна Малыгина.

И. В. МАЛЫГИНА: — Уважаемые коллеги! Одна из проблем, с которой мы с вами столкнулись в начале нашей дискуссии, связана с тем, что мы оперируем слишком сложной терминологией, поэтому может возникнуть «зазор», двусмысленность в понимании. Понятия «империя», «диалог», «смыслы» и «ценности» настолько многозначны, что, может быть, мы не всегда в контексте выступления будем иметь в виду все семы, грани значения.

Я тоже хочу соотнести свое выступление с дискуссией и обратить внимание на несколько сюжетов, которые прозвучали вчера на пленарном заседании и, возможно, сегодня получат свое развитие. На пленарном заседании с большой тревогой обсуждался процесс ценностного кризиса. Почему возникло чувство тревожности? В связи с тем, что ресурсы диалоговых коммуникативных стратегий себя исчерпывают? Что происходит с ценностным фондом современной культуры? Куда исчезли ценности? Современная культура совершенно не исчерпала ресурса постмодернистского легитимизма. Мне кажется, мы дожили до тех счастливых времен, когда хорошо то, что для меня ценно.

И при этом нам не интересно, насколько это ценно для других. Это, конечно, метафора.

Дело в том, что ценности исчезают не сами по себе. Человечество без них уже не может жить. Они перестают быть конвенциональными. Мы действительно утрачиваем единый, объединяющий нас всех культурный корень. Но стоит ли нас за это винить или мы достойны сострадания? Какая еще страна переживала такие ценностные метаморфозы на протяжении жизни 3–4 поколений? Только за XX век мы как минимум трижды пережили ценностные «перевертыши». Система ценностей, основанная на божественном авторитете, божественном откровении, когда мы себя называли не просто россияне (действительно этот идентификат был не востребован очень долго, в России практически никогда), а говорили: русский — это православный. Это происходило до 1917 года, когда ценностная система совершенно изменилась, мы все стали советскими, то есть была некая конвенция, коллективный самоидентификат. Это происходило до начала демократических преобразований в России, перестройки. Что произошло в это время? Наша любимая национальная забава: мы, как всегда, все разрушили до основания, но только если в 1917 году мы крушили храмы, то в период демократических преобразований мы избавлялись от культурных текстов советской эпохи. Что было предложено взамен? Культурный плюрализм. Но у нас ничего не получилось. Если в европейских странах плюрализм способствовал формированию либеральной гражданственности, толерантности, как бы мы ни относились к этому понятию, у нас он стимулировал ситуацию раскола, распада, фрагментации культуры. Теперь мы не знаем, как себя найти. Мы — россияне? Это название нас не очень скрепляет.

Сегодня смыслообразование происходит вокруг концепции идентичности. Что такое идентичность? Это наша рефлексия и глубинное эмоциональное, на сакральном уровне переживание по поводу двух вопросов: кто я и с кем я? Что это за целостность, по отношению к которой я могу сказать «мы», «и я этой силы частица»?

Кризис идентичности, с которым столкнулась российская культура, — это не только наша прерогатива, на самом деле это общемировой тренд современности. Другое дело, что в России все всегда сложнее и болезненнее. Поиск новой идентичности у нас приобрел две тенденции в русле мировых трендов: с одной стороны, это поиск культурно-цивилизационной идентичности, и здесь Россия исторически смотрит в сторону Западной Европы, по крайней мере после реформ Петра, которые, по словам Федотова, поставили Россию на пересечение самых великих культур Запада и сформировали природу русского европейца. Но здесь у нас не сложилось. Дело в том, что наше вхождение в глобальное пространство, в том числе и в западноевропейскую цивилизацию, не было поступательным и органичным, как у большинства европейских стран. Как только «железный занавес» упал, мы ввалились в это пространство. Нас там не ждали. И нам еще только предстоит сформировать цивилизационную идентичность.

Особенность современных идентификационных процессов заключается в том, что идентичность в современном мире становится конвенциональной. Нам мало, что мы заявили себя как европейцы, нам надо, чтобы европейцы сказали: «Да, действительно, мы с этим согласны». Но Европейский Союз пока нас не приглашает, не идентифицирует россиян как европейцев.

С другой стороны, неудачи поиска цивилизационной идентичности стимулировали противоположную тенденцию, мы стали искать основание социальной солидарности в глубинах наших традиционных культур. Но что произошло в советский период, мы все знаем: народы, а российский, может быть, в первую очередь, оказались оторванными от своих этнических корней. Явление этнического ренессанса, которое развернулось по всему миру, у нас тоже происходило по-особенному, было заидеологизировано, стало средством борьбы этнических элит за влияние на местах. Мы просто разползлись по этническим «пещерам». А русским вообще не к чему прислониться в этом смысле. Поэтому сублимации в поисках идентичности были направлены на локальную идентичность.

Еще одна сложность — разнонаправленность, амбивалентность поиска идентичности — вывела нас на очередной виток извечных метаний между глобализмом и антиглобализмом или, как раньше говорили, между западничеством и славянофильством. Фактически повторяется та же тема, но у нас она осложняется тем, что разрыв между желанием включиться в модернизационные процессы, присоединиться к Западу и сохранением традиционализма выражен очень ярко. Почему? Мы — страна евразийская, и исторически Россия впитывала не только европейскую культуру, но и традиционализм восточных и кочевых языческих культур. И, к сожалению, самые болезненные конфликты и внутринациональные российские разломы пролегают на оси Запад–Восток, причем, как сегодня уже было замечено, имеется в виду исламский Восток.

Что делать? Концепция толерантности не выдержала проверку временем, ее ставят под сомнение, она не вполне работает, как и концепция мультикультурализма. Они отходят в разряд мифологии глобализма. Что остается? Не следует отказываться от идеи диалога, сегодня действительно важно перенести акцент на субъект диалога, того, кто будет транслировать эти смыслы. Говорят о появлении нового андрогена, человека, который, с одной стороны, защищает презумпцию невиновности традиции, а с другой — готов к модернизационным переменам. Что это, утопия? Звучит, конечно, завораживающе, но доживем ли мы когда-нибудь до такой идеальной модели? Глобальная культура не случилась, а сами собой противоречия диалогом не станут.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Фуаду Теюбовичу Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Уважаемые коллеги, я хочу поговорить об основных трендах современности. Мы, культурологи, по-видимому, в первую очередь долж-

ны отвечать на вопрос: «Как это сделать наилучшим образом?»

В настоящее время происходит деградация высокой культуры, хотим мы этого или нет. Это диалектический процесс, который нужно обязательно регулировать. Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о неоварварстве, дикости, культе силы в глобальной политике и ответственности ученых. Действительно, ученые должны вырабатывать такие технологии жизнедеятельности, которые могли бы разрешать противоречия и направлять высвобождающуюся энергию в созидательное, а не разрушительное русло. Валерий Александрович Тишков высказал мысль о постоянных изменениях феномена культуры и важности влияния этнических культур, сохраняющих свою национальную самобытность и в то же время модернизирующихся в рамках этой культуры. Вячеслав Семенович Степин — о необходимости управлять точками роста ценностей во всех культурах. Ганс Кехлер — о том, что культуры предполагают равенство.

Исходя из поставленных задач, важно сегодня осознать, что мы принадлежим к единому типу человеческой культуры — *Homo sapiens*. Но в рамках *Homo sapiens* существует много разных культур — дикости, варварства, авторитаризма, феодализма, технократизма, рационализма и гуманизма. Значит, культурологам нужно стремиться к гармонизации мира культур.

Я предлагаю подумать о разработке международной программы, регулирующей переход от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo culturales*, то есть человеку культурному, обладающему высокой степенью знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности. Как это делать? Через гармонизацию культур и интересов, выработку новых идентичностей в культуре, ориентированных на базовые культурные ценности, которые мы всегда можем найти у разных народов. То есть нужно менять сознание.

Основоположник культурологии Лесли Уайт в свое время сказал, что поведение человека меняется с изменением его культуры. Значит, мы должны думать о том, чтобы поднять роль культурологии и в исследованиях актуальных проблем развития человечества, государственной политики, управления. Мы должны формировать человека нового типа, который будет осознавать свою идентичность с *Homo culturales*, то есть развивая человека через образование, науку, просвещение, такие качества, как знание, умение, организованность, нравственность и созидательная деятельность. Если исключить нравственность, мы получим цивилизованность, а цивилизованность может быть и разрушительной, деструктивной силой. Даже созидательная деятельность может носить эгоистический характер, то есть поведение культурного человека и культурное поведение человека — это не одно и то же.

Я хочу привести слова известного азербайджанского мыслителя Мирзы Шафи Вазеха, которые не утратили своей значимости:

Добру и злу дано всегда сражаться,
И в вечной битве зло сильнее тем,
Что средства для добра не все годятся,
Меж тем как зло не брезгает ничем.

Давайте созидать силами добра и формировать человека *Homo culturalis*. Я лично готов работать над этой программой, так же как и возглавляемая мною ассоциация «Культура Азербайджана», и Академия государственного управления при Президенте Республики, если вы примете решение включиться в разработку этой международной программы. В этом случае мы сможем улучшить ситуацию и вселить людям надежду на будущее, потому что только высокая культура может спасти мир, если мир защитит культуру.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — В выступлениях были прекрасно показаны метания в интеллектуальной истории России. Но мне кажется, что если эти метания были оправданы в XVIII–XIX веках, то в XXI веке пора уже от них отказаться. На мой взгляд, не нужно смотреть ни на Запад, ни на Восток, надо просто быть самим собой. Это нормальное развитие любого человека. Если человек хочет себя утвердить в жизни, то надо не смотреть на соседа, а делать свое дело. И если ты все делаешь успешно, твоя судьба сложилась. Это применимо и к народу.

Нам, культурологам, эти идеи нужно пропагандировать. Не следует забывать о том, что русская философия в начале XX века поставила те проблемы, которые западная философия начала задавать только в середине XX века. Если говорить об искусстве, то не следует забывать о том, что Лев Толстой и Достоевский признаны во всем мире. Не надо забывать и об авангарде и т. д. Мы всегда можем говорить о том, что самобытность существует. И я думаю, что главное для современного развития России — экономического, политического, культурного, личностного — определиться в своей судьбе без ориентации на что-либо.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Я хотела бы сказать несколько слов по поводу выступления Ирины Викторовны. Отмечается пессимизм современной молодежи. Мы имеем дело со студентами и видим, что с ними происходит. Но в современной ситуации есть тренды, которые у меня вызывают оптимизм, хотя многие говорят о том, что современная молодежь нацелена исключительно на материалистические ценности и для них ничего, кроме хорошей зарплаты, не существует. Согласно некоторым исследованиям и наблюдениям, у определенной категории молодежи начинают доминировать нематериальные ценности, есть вещи, которые для них важнее, чем хорошая зарплата, прекрасная работа, карьера и т. д. Эти данные сегодня фиксируют европейские и американские социологи, они говорят о том, что американская молодежь вступила в новую парадигму. Что касается нашей страны, то Россия всегда находилась на перекрестке сопряжения разных культур.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Светлане Юрьевне Ивановой.

С. Ю. ИВАНОВА: — Поиск смысла и ценностей, наполнение традиционных ценностей новым смыслом являются актуальной задачей современной науки и за-

дачей этической современной интеллигенции и тех, кто себя к таковой причисляет. Тема моего выступления — «Патриотизм как значимая социальная ценность в современной России». По моему убеждению, именно патриотизм является не только социально значимой, но и в определенном смысле системообразующей ценностью среди тех, которые мы сейчас ищем. Но актуальна ли эта проблема? Безусловно.

По данным ВЦИОМ и РОМИР, 89 % россиян полагают, что сегодня мы недостаточно говорим о патриотизме и недостаточно воспитываем его. Потому что если не погружаться в психологические, политологические дискуссии, то патриотизм понимается либо как чувство, либо как идеология, то есть существует на многих уровнях. Патриотизм является гражданским чувством, своеобразным конструктором, соответственно конструирование этого чувства, его формирование — это задача, которая не решается достаточным образом, по мнению россиян. 17 % опрошенных полагают, что развитие патриотизма происходит само собой, 79 % считают, что общество обязано организовывать деятельность в этом направлении, 19 % — что воспитанием патриотизма должны заниматься СМИ, более 50 % — школа и семья.

Мы проводили опрос студентов в нашем университете. На вопрос: «Хотите ли вы, чтобы вашим патриотическим воспитанием занимались?» 62 % студентов ответили: «Да, нам этого не хватает». Но для того, чтобы понять, куда двигаться дальше, каким образом и что формировать, нужно определить точку, в которой мы сейчас находимся.

В настоящее время патриотизм присутствует в жизни россиян, представляет собой достаточно сложное явление, которое одновременно является наследником советского патриотизма, патриотизма великой российской державы и представляет собой совершенно новый феномен. Потому что изменился сам субъект патриотизма, то есть мы, жители нашей страны, уже не тождественны субъекту патриотизма, каким был многонациональный советский народ, если вспомнить советский патриотизм. В то же время изменился и объект патриотизма, то есть наше Отечество, культурное поле, в котором формировался этот феномен, и содержание самого патриотизма: оно стало неидеологичным. Мы долго отказывались от монополии на идеологию, об этом много говорилось. Патриотизм стал чувством интимным, я бы сказала, антропологическим.

Чем характеризуется современное патриотическое сознание? С одной стороны, осталось ощущение Отечества как огромной территории, не уступающей великим государствам мира, сохранено чувство многонациональности как естественное чувство, не утрачено представление об Отечестве как великой державе, временно переживающей определенные трудности. С другой стороны, появилось ощущение искусственного разрыва с частью Отечества, стремление восстановить утраченное. Отмечу интересный момент: переход от советского патриотизма к патриотическому сознанию современности занял очень короткий промежуток времени, и этот был деструктивный переход. Если на ранних этапах это чувство трансформировалось

эволюционно, то здесь имели место сознательное разрушение и нейтрализация патриотического сознания. Нельзя смотреть в будущее, говорить о настоящем, не обращаясь к прошлому. В этом смысле состояние российского сознания, российской культуры не столь уникально. Если обратиться к истории вопроса, то можно привести высказывания Чаадаева, который говорил, что критерии развитости цивилизаций — это благоустроенная жизнь народа в различных ее проявлениях, и путь к ее достижению — это опора на внутренние источники и одновременное заимствование из Европы классической культуры.

Одновременно сейчас присутствует феномен, который Николай Яковлевич Данилевский охарактеризовал как «европейничество». Он писал о том, что «европейничество» включает искажение народного быта и замену его иностранными чуждыми образцами, заимствование иностранных учреждений без учета особенностей России. Мы видим это сейчас в системе образования. Явления внутренней российской жизни рассматриваются с европейской точки зрения и через «европейские очки». Актуально и высказывание Ивана Александровича Ильина о поисках ценностей. Семья, вера, свобода, совесть, родина, национальные патриотические чувства, государство и частная собственность — он предлагал такую систему ценностей, считая главной патриотизм, любовь к Родине, которую он называл единственной духовной реальностью. Любовь к ней отражает три феномена особой родины, России. Бремя земли, пространства: мы занимаем 1/6 часть суши. Бремя природы — это ранние заморозки, бесконечное болото на севере и сыпучие пески на юге. Бремя народности, выражающееся в том, что в России проживают до 180 различных племен и наречий. Мы должны принять это бремя и не искоренять.

Невозможно решение проблемы формирования патриотизма без определения того, что значит быть русским, без отношения к тому, что значит русский, без разведения понятий «русский патриотизм» и «российский патриотизм». Потому что в то время, когда произошел этнический ренессанс многих народов, населявших бывший СССР, этнический ренессанс русского народа сопрягался с такими понятиями, как «национализм», «шовинизм» и т. д. Сейчас мы не можем дать точного определения, что значит быть русским. Посмотрев в прошлое, можно сказать, что русское отождествлялось с народностью Достоевским, всечеловечностью — Белинским. Струве говорил, что русские — это те, кто участвует в русской культуре. На мой взгляд, это определение является наиболее актуальным на сегодняшний день.

Патриотизм, как и любое другое чувство, формируется в системе символов, образов и героики. Это герб, флаг, гимн страны. Гимн страны в последние десятилетия не знал практически никто из школьников, согласно недавно проведенным опросам, слова гимна страны знают 23–25 % учащихся. Это трагический момент культуры, когда гимн много раз переписывался, не было слов и даже члены Государственной Думы при проигрывании гимна вставали, но молчали или шептали слова старого гимна, то есть присутствовала не-

кая эклектика. Герб, знамя — тоже символы страны, но они не более 5–7 лет назад вошли в наши официальные кабинеты и учебные заведения, до этого в этой сфере был вакуум.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов практически были повержены все образцы, на которых воспитывалось поколение 40–50-летних. Среди новых героев молодежи, согласно опросам («Кого вы считаете образцом для подражания?»), выделяет разных людей — от Билла Гейтса до Петра I. На российском телевидении проводился опрос «Кого можно считать героем России?» Выбор остановили на Александре Невском. С горечью хочу заметить, что очень мало называют представителей второй половины XX и начала XXI века. Из политических деятелей чаще всего звучит имя Владимира Путина в силу его известности, иных героев нет. Все другие герои — из эпохи Петра I и более ранних либо эклектика из того, что мы сейчас называем обществом мультикультурализма.

Если иметь в виду символические практики, то, говоря о России, каждый представляет себе некий образ (они тоже не столь многочисленны): это Кремль, береза, некие визуальные образы, наполненные смыслами, и в то же время все символическое поле, способствующее формированию этого чувства. При этом русскость и российскость отождествляются. Эта сфера завоевана рекламщиками. Мы видим рекламу на улицах наших городов, где количество русского, российского значительно возрастает: русское лото, русская водка, можно продолжить этот символический ряд. Это стихийный рыночный ответ на социальный запрос, консолидирующий некие моменты для нашего народа.

На пути формирования российского патриотизма, российской идентичности возникают проблемы. Патриотизм, безусловно, является основанием для формирования позитивной идентичности. Говоря сегодня о проблемах Северного Кавказа, можно сказать, что патриотизм в значительной степени является альтернативой этнонационализма. Необходимо решить сложную проблему взаимодействия с региональными этническими идентичностями, смягчения противоречий между различными составляющими российской идентичности, проблему симметричного характера регионального и городского развития России, потому что Россия сейчас — это множество Россий (Россия Москвы и даже Подмосковья и т. д.).

И самый важный вопрос, на мой взгляд, — если понять смысловое содержание этого феномена, то нужно определиться с тем, кто будет это делать и как. Сейчас политическая элита должна быть патриотически ориентирована. Патриотизм силен как чувство, тем, что имеет деятельностный аспект, это не только символы и риторика, точнее словарь и риторика, но и патриотическая деятельность элиты, направленная в первую очередь на формирование этого чувства.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Владимиру Ивановичу Еременко.

В. И. ЕРЕМЕНКО: — Уважаемые коллеги, я хотел бы вместе с вами поразмышлять на следующие темы:

российская интеллигенция как ретранслятор ценностей и смыслов, диалог культур как источник или исходный пункт зарождения российской интеллигенции, миссия, субъектность интеллигенции, ее положение в современном российском обществе, какие задачи она сегодня выполняет и какие теоретические проблемы возникают.

С моей точки зрения, диалог культур, который сегодня вызывает такие скептические, пессимистические оценки, не утратил своей конструктивной, созидательной роли, по крайней мере в условиях современной России, поэтому я бы не отвергал его возможность и функции. Более того, диалог культур как взаимопроникновение, взаимообогащение стал бы неплохой альтернативой тому, что действительно исчерпало возможные смыслы. Я имею в виду термин «толерантность», который у многих вызывает недоумение. А диалог культур — работающая категория.

Петербург стал «повивальной бабкой» российской интеллигенции, «окном в Европу». Как говорил Моисей Самойлович Каган, Петербург стал воротами, через которые из Европы шли новые ценности и смыслы, важные и необходимые для становления ментальности российской интеллигентности. Но в этот момент происходит столкновение традиционных ценностей, таких как солидарность, соборность, правда, самодержавие, патриотизм (мы его сегодня не ищем, а восстанавливаем, напоминаем о том, что это традиционная ценность, которая была, есть и будет), православие и империя.

Несколько слов по поводу империи. Н. Г. Багдасарьян, говоря об империи, привела в качестве примера Люксембург и сказала о том, что можно процветать и без империи, нормально жить в условиях неимперского существования. Я полагаю, что такое сравнение не очень корректно и неконструктивно, потому что «имперскость» — это ценность России, она обусловлена геополитическими, географическими и иными обстоятельствами. Эта ценность имела основание и как идеал, и как норма, и как общественное благо, и другие основания, поэтому это часть самосознания российского общества. Она никуда не исчезла, сохраняется в современной России, может быть, не в таких очевидных формах, как это было раньше.

Традиционные ценности существовали до Петровских времен. Но наряду с ними появились новые ценности, проникнув через «ворота», которыми стал Петербург: свобода личности, народное представительство, разделение властей, республика. В ходе такого взаимодействия, борьбы одних ценностей с другими сложилась определенная эклектическая система ценностей, которая стала духовной основой той социальной группы, которую мы потом назвали российской интеллигенцией. Эта эклектичность и внутренняя противоречивость позволили российской интеллигенции стать эффективным посредником между властью и обществом, выполнять эту функцию.

Вообще присутствие интеллигенции в общественной и политической жизни страны очевидно, однако определение границ этой группы и векторов ее взаимодействия с обществом и властью по-прежнему представляется очень сложной теоретической задачей. Каж-

дая эпоха накладывала отпечаток на менталитет и образ интеллигента. Дореволюционная интеллигенция искала спасения в социальном покаянии перед народом, верила в преобразовательную силу просвещения, шла в народ с «Букварем», исповедовала жертвенность. «Дело прочно, — говорил Некрасов, — когда под ним струится кровь». В Советском Союзе интеллигенция была огосударствлена. Можно напомнить слова Бухарина о том, что «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике». Появились понятия «рабочая интеллигенция», «народная интеллигенция», «крестьянская интеллигенция» и т. д. И, как представляется, новое историческое общество — советский народ — стало синонимом советской интеллигенции. Эта интеллигенция была носителем партийно-государственных ценностей. У интеллигенции эпохи перестройки разрушительные силы оказались сильнее, чем созидательные. Иссякание и распад она чувствовала острее, чем прирастание, произрастание и рассвет. Эта интеллигенция, с моей точки зрения, несет ответственность за распад времен, за крупнейшую геополитическую катастрофу — распад Советского Союза.

Я вспоминаю дискуссии, которые велись в эпоху перестройки, некоторые из активных участников тех дискуссий присутствуют сегодня здесь. В то время уже появились статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», Александра Николаевича Яковлева «Антиперестроечный манифест». Интеллигенция уже почувствовала дух свободы, начала рвать на части всех, кто стоял на пути перестройки и мешал двигаться вперед. Вспоминаю собрание творческих работников, которые гневно бросали обвинения в адрес партийных руководителей. Запомнились слова замечательного актера Кирилла Лаврова, сказавшего партийным деятелям Ленинграда: «Вы сначала дайте нам (актерам) колбасу, а потом требуйте от нас хороших спектаклей». Потом колбаса появилась, но почему-то стало мало хороших спектаклей, о которых мы сегодня, обращаясь к прошлому, вспоминаем и которыми восторгаемся.

Третье тысячелетие отмечено появлением на общественно-политической арене нового поколения интеллигенции, которой, как мне кажется, необходимо освободиться от «родимых пятен» своих предшественников. Мировой опыт учит: эволюция предпочтительнее революции. Революционный шаг Блока должен стать эволюционным шагом Евтушенко. К сожалению, новая интеллигенция наступает на старые грабли.

В Санкт-Петербурге начал свою работу политический дискуссионный клуб, и я присутствовал на некоторых его заседаниях в качестве участника, эксперта. Назову темы некоторых выступлений: «Эволюционный путь, боюсь, невозможен» (Валерий Ачкасов), «Бархатная революция рано или поздно произойдет» (Даниил Коцюбинский). В этих и многих других выступлениях говорилось о том, что надо готовиться к революции, что баррикады неизбежны, необходимо готовить народ, просвещать его и выводить на баррикады, потому что нынешняя власть без боя не сдастся и без революции дело не обойдется. Для того чтобы стать на путь свободы и демократии, надо насильственно убрать тех, кто

сегодня заседает в Кремле. И новой интеллигенции, конечно, надо отмежеваться от «болотной оппозиции», которая сегодня рвется во власть.

Жизнь по совести приобрела статус сакральности и стала познавательным знаком интеллигента, но и здесь требуется аккуратное и вдумчивое исследование проблемы. Разве не по совести некоторые интеллигенты шли к бомбометанию для достижения своих, как им казалось, правильных идей? Я напому слова Наума Коржавина: «Ради правды и любви тут убит был русский царь! ...Ради призрачной мечты! Самозванство! Стыд и срам!» Жесткая зависимость интеллигенции от государства не выдержала проверки временем, но и абсолютизация, непримиримость интеллигенции к власти тоже себя исчерпали. Поэтому миссия сегодняшней интеллигенции заключается в том, чтобы поддерживать власть, когда она права, и критиковать ее, выдвигать требования, когда совершает ошибки. Интеллигенция всегда, пользуясь своей независимостью, внутренней свободой, должна выступать жестким критиком власти. Абсолютизация этого тезиса не кажется конструктивной.

В заключение мне хотелось бы сказать о культурной ситуации в Петербурге. Подлинный интеллигент сегодня не может не выступать против складывающейся культурной политики в Санкт-Петербурге. Это тот случай, когда петербургская интеллигенция должна не уходить во внутреннюю иммиграцию, а активно выступать за изменение ситуации. На ключевых постах оказались люди, слабо укорененные в общественно-культурную среду Петербурга, они ее не чувствуют, не понимают. Они действуют как наемники. Петербургской культурой, идеологией, средствами массовой коммуникации руководит человек, большая часть профессиональной деятельности которого была посвящена организации общественного питания. Я имею в виду господина Кичеджи. Отсюда — масса ошибок, которые совершаются, в том числе и в кадровых вопросах.

Диалог культур — это альтернатива войне культур. Сегодня наша интеллигенция может быть привлекательна и для людей, исповедующих самобытные ценности, и для западников, и для патриотов и т. д. И она не исчерпала себя, более того, сегодня способна переломить ту конфронтацию, которая существует в духовной и культурной жизни нашей страны.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Надежде Константиновне Анохиной.

Н. К. АНОХИНА: — В рамках рассматриваемой проблемы развития культуры, ее ценностей и смыслов мне хотелось бы сказать об особенностях современного искусства, а затем дать общую оценку этому творческому процессу.

Первое: доказано, что ценности представляют собой центральную категорию культуры. Джон Сибрук впервые отметил, что сегодня мы наблюдаем стирание грани между высоким и низким, между “highbrow” и “lowbrow”, переход к культуре «ноубрау» — к тому, что модно, популярно, но в «ноубрау» есть своя элитарность, иерархия.

Второе: исторический переход от противопоставления высокой, “highbrow” и низкой, “lowbrow” культур к культуре «ноубрау» объективно закономерен, как закономерна смена культурных парадигм от моностилистической к полистилистической культуре. При этом наиболее характерной приметой полистилистической культуры становится не исключение, а включение всевозможных культурных феноменов, что можно обозначить как установку на культурную терпимость, толерантность.

Третье: в современном искусстве появляются новые формы популярного художественного творчества: поп-скульптура, ассамбляжи, инсталляции. Творцы поп-арта не ограничиваются только двумерными или статистическими произведениями, они строят энвайронменты (поп-арт-пространства) и организуют поп-артистические действия — перформансы, хэппенинги. В них утрачивается сущность изящных искусств, обладающих в первую очередь эстетической функцией, образно-символической организацией, — ориентировать на возведение реципиентов как некий первообраз, идеальный или материальный.

Четвертое: самые эффектные образцы “science-art”, которые сейчас модны, можно обнаружить в био-арте, который, кроме биологии и микробиологии, включает художественные эксперименты в области генетики и экологии, проекты с использованием растений, животных, а также различные медицинские манипуляции с человеческим телом. Подобные модные произведения формируют совершенно иные ценности.

Учитывая эти изменения, мне бы хотелось сказать, что сегодня искусство надо понимать как динамический процесс художественного творчества в самом широком его значении, как сложную саморазвивающуюся нелинейную, неравновесную систему, отражающую социокультурные изменения современного мира, его ценности. Этот креативный процесс идет в соответствии с метаморфозами менталитета человечества, выявляет особенности глобальной эволюции человека как субъекта культуры, а вместе с тем и самой культуры.

Это сегодня самостоятельный процесс. Мы не можем влиять на все, может быть, поэтому нам так трудно найти точки соприкосновения и какие-то общие принципы. Культура является сложным нелинейным неравновесным процессом и содержит элементы случайности, конструктивного хаоса, что очень хорошо отражается в искусстве. Может быть, необходимо распространить принцип толерантности как фундаментальный принцип глобального эволюционизма наряду с принципами динамизма, системности, самоорганизации. Возможно, благодаря принципу толерантности культура будет иметь фундаментальное значение. Человеку необходимо адаптироваться в средствах морали и нравственности к современному процессу, чтобы эволюционировать.

В. А. ТИШКОВ: — На трибуну приглашается Владимир Александрович Конев.

В. А. КОНЕВ: — Уважаемый профессор А. С. Запесоцкий призвал к решению практических проблем.

Если этого не делать, то не все будет благополучно. Мы погружены в культуру, поэтому вопросы культуры волнуют каждого. Если современное общество не сосредоточится на проблемах культуры и образования, ничего не получится. Эти проблемы должны решаться в прагматической плоскости, без всякого теоретического основания. «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Я хотел бы сосредоточиться на тех вопросах, которые уже были озвучены: это проблема нового языка, новых категорий, нового видения и т. д. Меня, как человека, который занимается философией, культурой, связан с культурологией, это волновало всегда. Что такое ценность? Вячеслав Семенович Степин полагает, что это «глубинные основания деятельности». А где находится глубинное основание деятельности? Это непростой вопрос. Я согласен с Вячеславом Семеновичем, сказавшим: «Для современного гуманитарного знания важно найти точки роста новой ценности». Значит, надо эту ценность определить.

Когда говорят о ценностях, вспоминаются материальные и духовные ценности. Но первое, что следует разделить, — это оценка и ценности, или значимость и ценности. В культурах всегда есть значимость, культура начинается со значимости, потому что культурное действие — это действие разграничений: «да-нет», «хорошо-плохо» и т. д. Поэтому культура — это проведение границ, и культурный человек — это человек, знающий границы, хам — его противоположность. Значение, значимость не есть ценность. Ценность — это особая культурная форма, которая представляет социальный опыт человека.

В Древнем Египте египтянам были известны слова «добро», «зло», «справедливость», но не было ценностей справедливости и добра. В Книге Мертвых говорится: «Я не делал никому зла», и после этого идет перечисление того, что делал и что не делал человек. Для него не существовало понятия зла или добра. Сократ призвал к определению справедливости и красоты: «Ты не называй красивые предметы, а скажи, что такое красота». Это уже ценность. Есть культуры, в которых ценности отделились от значимости и существуют как самостоятельные, а есть культуры, в которых ценности только лишь прорастают.

Я сформулировал следующее определение ценности, которое, как мне кажется, наиболее точно представлено у Ницше. Он, согласно Хайдеггеру и Делезу, первый создает философию ценности, разворачивает европейскую философию к философии ценности. Фрагмент 715 из «Воли к власти»: «Точка зрения ценности — это точка зрения условий сохранения, условий подъема сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри процесса становления». Существуют сложные системы — человек, общество, которые не имеют вечной жизни, они ограничены в своей жизни. И вот для того, чтобы в этот ограниченный момент поддерживать полноту своего существования и бытия, появляется особый механизм — ценность. Ценность — это превращение «теперь» в вечность, указание на завершенность и, что важно, это всегда существующая для человека объективная сила,

заданная в культуре, но ценность реализуется только через личный выбор. Поэтому ценность — это не только «что», а «кто» это «что» утверждает.

Это три важных постулата философии ценности: есть значимое и незначимое; есть ценность как превращение «теперь» в вечность; обращение со временем как с материалом. Для человека время — это не период, в котором он существует, это материал, из которого он строит свою жизнь. Обратите внимание, как мы говорим о времени: «Времени не хватает», «Дайте мне время», «Я все время истратил», как каменщик говорит о камнях. Время — это материал, из которого строится жизнь, ценности — это превращенное время. Достаточно вспомнить, что такое стоимость — время, которое затрачено на производство товаров.

Всякая культура живет тогда, когда в ней возникают ценности, дающие ей возможность завершенно существовать, но это завершенно существование возможно только тогда, когда человек совершает какой-либо акт. Поэтому диалог оказывается необходимым моментом существования культуры, когда культура осознает себя как культура. До тех пор пока культура себя не осознает, диалог невозможен, идет война. А когда культура осознала себя как особенность, тогда другая культура для нее выступает тоже как особенность. Если мы решаем вопрос нашей жизни (личной или общественной), то надо стараться достичь определенности, использовать весь материал, который существует вокруг, чтобы заложить свой кирпичик в основы существования, благодаря которому мы будем жить дальше.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Валерию Ивановичу Каширину.

В. И. КАШИРИН: — В Северо-Кавказском федеральном округе только один русский субъект — Ставропольский край, остальные — северокавказские республики. Здесь уже выступали представители нашего университета. Этнические проблемы Северного Кавказа поднял Борис Владимирович Аксумов, о проблеме патриотизма говорила Светлана Юрьевна Иванова. Хочу добавить, что проблема патриотизма ставится у нас более широко: это ноосферный патриотизм (вслед за Вернадским) — более широкая форма.

Одна из проблем, которую мы разрабатываем, — проблема гуманитарной кризисологии. В нашем университете широко развита этническая конфликтология, у нас работают основатели этнической конфликтологии, в частности Авксентьев Виктор Анатольевич. Проблемы конфликтологии — не только этнические, выделяется региональная конфликтология, молодежная и т. д. Выделение специализаций, различных видов конфликтологии приводит нас к мысли о том, что необходимо философское обобщение всех форм конфликтов, не только научное, но и философское. Через осмысление кризиса, кризисологии (конфликт — это форма проявления кризиса) мы поднимемся до анализа конфликтно-кризисного и посткризисного состояния. И тогда можно будет рассматривать не только состояние нынешнего конфликта, но и перспективы. Каковы перспективы преодоления конфликтов и кризиса,

являющегося причиной конфликта? По времени нам близок финансово-экономический кризис, который затронул все страны. Этот кризис необычный, он переходит из одной сферы в другую: сначала был финансовый кризис, теперь — экономический, он затрагивает различные этнические сферы: трудовую, социальную и др. Мы видим, что кризис «ветвится». Культурно-временное ветвление кризиса вынуждает нас говорить о том, что нужна теория, которая целостно осмыслила бы этот кризис во всех его проявлениях. Это первая черта кризиса.

Вторая черта, которую отмечают многие исследователи, — кризис не заканчивается, а превращается в текущую реальность. Это тоже требует особого подхода, причем не только конфликтологического, но и логического. Почему мы называем его гуманитарной кризисологией? Дело в том, что в какой бы отрасли кризис ни проходил: экономической, финансовой, социальной или технической, его последствия всегда гуманитарные. То есть они всегда сказываются на человеке, социуме, поэтому мы такую кризисологию называем гуманитарной.

Возникает вопрос о методологической базе кризисологии. Методологическая база — это исходная позиция. Советский Союз был социально-цивилизационной ловушкой, в которой мы оказались, о чем пишут исследователи. Она берет свое начало из теоретической ловушки — марксизма и ленинизма, и прежде всего из диалектики. Диалектику нельзя применить к общественному развитию. Об этом еще в 1938 году писал Владимир Иванович Вернадский: «Маркс и Энгельс переработали гегелевскую философию, которая уже при их жизни не отвечала в основном научной методике и научным исканиям. Застой философской мысли у нас и переход ее в бесплотную схоластику и талмудизм, на этом фонде расцветающий, является прямым следствием такого положения дел». И далее в дневниках, которые были опубликованы в 2006 году, читаем: «Еще раз пересмотрел диалектику природы Энгельса, остается прежнее впечатление, черновые тетрадки устаревшие, есть кое-что интересное, но, в общем, в XX веке класть в основу мышления, особенно научного, такую книгу — безумие. Люди закрывают глаза на окружающее и живут в своем мире, сами подрывают свою работу». Владимир Иванович Вернадский также писал о диалектике Маркса, Энгельса, заметки о Ленине, Сталине и советской политике.

Первый важный вопрос — это методологическая база, исходная посылка. Диалектическая посылка, как мы видим, не может служить теперь основанием для анализа социальных явлений. Сейчас все больше ученых, социологов, философов говорят, что нужна триалектическая методология. Я больше склоняюсь к мнению, что нужна триалектическая методология, которая отмечала бы не только борьбу противоположностей, но и взаимодополняемость трех составных частей: вчера, сегодня, завтра, пространственные, временные характеристики и т. д.

Второй важный вопрос — выбор методологической основы кризисологии. Мне кажется, этому соответствует концепция Владимира Ивановича Вернадского

«Об энергии человеческой культуры». Я давно изучаю труды Вернадского, к сожалению, могу констатировать, что учение об энергии человеческой культуры совершенно не разработано нашими философами, социологами и культурологами. А ведь энергия человеческой культуры может вывести нас из кризиса и тупика развития. Энергия человеческой культуры, кумулятивно накапливаемая, это и энергия самосознания, культуры самосознания, поведения, деятельности, в том числе профессиональной и т. д. То есть речь идет о разработке новой методологической базы, диалектике триалектической методологической базы. На какой основе ее разрабатывать? Предыдущий оратор говорил о времени, это исключительно важный момент. Время — это самый гуманитарный фактор, который привносит философия в естествознание. Культура времени является тем основанием, на котором следует разрабатывать культуру времени. Об этом много написано, в частности Ольгой Валерьевной Кашириной защищена докторская диссертация по культуре времени. Таким образом, если мы хотим приблизиться к решению настоящих проблем, следует приблизиться к кризисологии.

К. С. ПИГРОВ: — Мы должны понять, что кризис — это нормальная форма жизни человека, и с этой точки зрения вся наука в целом — это и есть кризисология. Я хочу сказать о катастрофе, которая, на мой взгляд, может быть метафорически уподоблена поцелую Бога. Наука о катастрофе принципиально невозможна, и это существенно. Как и философия, только религия и искусство могут приблизиться к катастрофе, потому что мы, когда говорим о катастрофе, осознаем конечность бытия человека и человечества. Например, в недооцененной работе «Космология духа» Ильенков говорит о самоубийстве, самопожертвовании всего человечества ради спасения Вселенной. Может быть, плохая физика, но какая поэзия!

И. В. МАЛЫГИНА: — Я хочу перевести дискуссию в другую плоскость. Философия в первую очередь нацелена на формирование универсальных тенденций. Причина не в том, что философы что-то не так делают или им надо заниматься чем-то иным, мне кажется, речь идет о некоей разобщенности научного профессионального сообщества. Если бы культурологи, социологи и все, кто занимается исследованиями культуры, больше корреспондировались с философскими концепциями, может быть, было бы меньше общих проблем.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — Несколько слов по поводу выступления Надежды Константиновны Анохиной, которая говорила о современном искусстве, явлениях, существующих на теоретическом уровне. Я давно высказал мысль, что пришло время написать книгу или большую работу на тему искусства, потому что глубоко убежден: многое из того, что было названо Надеждой Константиновной, к искусству не имеет отношения и то, что существует сегодня в одном ряду с Бахом, Мусоргским, Пикассо, Кандинским, — это явления другого порядка. Даже в терминологии нужно закрепить «альтернативное искусство». Я понимаю

альтернативность романтизма классицизму. Чему альтернативно альтернативное искусство? Искусству как таковому. Мы говорим о совершенно другом явлении. И многое из того, о чем говорила Надежда Константиновна, — это не трансформация искусства, а переход искусства в другую сферу, где оно искусством перестало быть, и об этом надо говорить достаточно жестко. Даже, может быть, не ставить одно выше другого, это просто другое.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Комиссаренко.

С. С. КОМИССАРЕНКО: — Меня, как культуролога, педагога и просто человека, волнует отсутствие диалога в российском обществе между культурой и обществом, обществом и личностью, личностью и культурой. И поэтому я буду говорить о той тревоге, которую вызывает сегодняшнее состояние аксиологической системы, трансформирующейся в нашем обществе. Новые вызовы, которые затрагивают политическое, экономическое, социальное переустройство, к сожалению, не привели к переустройству культурному и пересмотру взаимоотношений между культурой и человеком и необходимости формирования личности XXI века.

В X веке был первый вызов, когда отечественная культура выработала на основе ценностей запрос и ответила на запрос того времени, сформировала нового человека. К сожалению, это не было поступательно, потому что отечественная культура циклична в своем развитии. И если говорить о проектировании личности, то можно вспомнить времена Петра I, когда его модернизация потребовала вестернизации, догоняющей модели, был необходим практико-ориентированный деловой человек.

Далее Екатериной Великой (я ее называю «первым имиджмейкером России») была выработана государственная политика. Иван Иванович Бецкой описал новую породу людей на основе третьего сословия. Апофеозом проектирования личности стал советский человек, этапы его формирования. Но о чем бы мы ни говорили, любые этапы основываются на ценностях времени и ориентируются на них. Сегодня, когда на первый план выдвигаются инструментальные цели, рыночная экономика ориентирует на ценности, смысл жизни видится в ракурсе экономических выгод и интересов. Безусловно, аудитория, присутствующая в читальном зале Гуманитарного университета, в иерархии ценностей не назовет среди приоритетов «деньги». Но все средства массовой информации формируют именно финансовые ценности, деньги не зарабатываются, а выигрываются.

Сегодня деньги, гедонизм, успех и финансовая состоятельность — это вершина личностных достижений. Конечно, эти ценности, активно утверждаемые, нравственно развращают и внутренне опустошают. И сегодня, к сожалению, приходится говорить, что безнравственность становится критерием определения качеств человека, размывание ценностного поля ведет к утрате референтных личностей. Уходят духов-

ные лидеры, и я пока не могу назвать того, кто пришел им на смену, тех, с кого можно брать пример.

Такие термины, как «духовность», мы, к великому сожалению, можем употреблять только в учебных аудиториях, а слово «элита» вообще надо убрать из обихода, потому что под «элитами» сегодня понимается только одно — это не духовно-интеллектуальная, а политическая элита. Я не смогу сказать, что кризисные явления — наше перманентное состояние и в этом мы будем возвращаться. Любой кризис — это болезнь, по моему личному убеждению. Современный кризис связан с дегуманизацией российского общества. Проблема утраты гуманизма — это болезнь нашего современного общества.

Гуманизм зародился, окреп, расцвел в западноевропейской культуре. Мы не знали гуманизма как такового, отсюда, как мне кажется, отсутствие гуманизма — наша родовая болезнь. Возникает вопрос: как из этого выйти? Потому что весь XX век — это век массовизации, когда личность не признавалась ценностью государства.

Во второй статье Конституции утверждается, что личность является приоритетной. Это красивые слова, между декларацией и жизнью существует большой разрыв. Россия не выработала ген гуманизма, и у нас личность никогда не была признана вершиной культурного, социального, политического и тем более государственного развития. В связи с этим сегодня наиболее актуальны гуманитарные технологии, которые я понимаю как поиск путей, средств и методов, нацеливающих нашу социально-культурную систему на человека, использование личностного ресурса и создание условий духовного самовыражения не только на культурную деятельность во имя себя, но и прежде всего во имя других.

Здесь мы говорили о Ницше, который определил личность как контрапункт между общественной и частной жизнью. Он предложил педагогическую программу формирования личности, писал о наследственности, формировании энергии человека и конкретных методиках. Отвечая на вопрос профессора Малыгиной, я, обращаясь к своим студентам, могу сказать: набирайте в поисковой интернет-системе «Иван Александрович Ильин “Путь духовного обновления”». Используя современные технологии, мы не должны забывать о тех людях, которые обо всем давно уже сказали.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Я хотел бы высказать несколько тезисов по поводу содержания ключевых категорий, лежащих в названии нашей секции. Поводом для моего участия в дискуссии стали сегодняшние выступления моих коллег, а также вывешенные на сайте конференции тезисы уважаемого мною В. М. Межуева, которые вызвали в моем сознании некое смысловое напряжение. Бесспорно то, что способность к смыслопорождению — существенный признак культуры и базовое свойство человека.

В то же время пространство полемики с автором рождается в искусственном противопоставлении ценностей и смыслов, а также в ограничении смысла сферой свободного выбора личности, результатом духовной активности отдельного субъекта. Вадим Михайлович утверждает, что «ценность — логическое понятие, позволяющее отличить одну культуру от другой, но одновременно выражающее то общее, что объединяет всех представителей каждой из них... Ценности можно хранить в музее, смыслы пребывают в реальной жизни. ...Ценности изучаются, а смыслы творятся живыми людьми. ...Ценности не отличают живую культуру от мертвой, смыслы присущи только живому. Честно говоря, в мертвом я не вижу никакого смысла. Потому на том свете нет и культуры». Пожалуй, самый спорный тезис В. М. Межуева состоит в том, что ценности любой культуры «получают шанс стать ценностями моей культуры, а смыслом такой культуры, как и всей человеческой жизни, является свободный выбор этих ценностей, их творческая трансформация в какой-то новый культурный синтез. Время такой жизни называется свободным временем, а человек, живущий в нем, — свободной индивидуальностью. И никакого иного выхода из кризиса культуры я не вижу».

Мне кажется, в таком понимании смыслы культуры теряют свою консолидирующую способность, становятся способом индивидуализации, разъединения социального пространства. Субъективистский «произвол» выбора смыслов неизбежно приведет к утрате не только национально-культурной, но и персональной идентичности (как известно, культуры в смысловом пространстве самодостаточны и трудносовместимы). Человек в выборе смысла (как и ценностей, Родины, матери) предельно несвободен, и в такой неосознаваемой несвободе только и возможно человеческое счастье.

М. М. Бахтин когда-то очень точно подметил, что диалог продуктивным становится лишь тогда, когда «разности» встречаются на почве «общего». Мне показалось, что «разность» наших позиций сегодня доминирует, сокращая единое пространство смыслов (если воспользоваться ключевой категорией названия секции). Поэтому вначале я хотел бы обозначить границы содержания ключевой категории «смысл», которая является важнейшим результатом самосознания субъекта культуры, универсальной формой ее самоорганизации. Метафорически можно сказать, что интегрирующие культуру смыслы являются «душой» культуры — ее связующим элементом, стягивающим все ее многообразие в духовную целостность.

Смыслообразование как функция культуры осуществляется преимущественно в системе гуманитарного знания (включая и философско-религиозную литературу), которое берет на себя важнейшую задачу самосознания общества, анализа духовного опыта и ошибок прошлого, проектирования будущего. Как справедливо отмечал М. М. Бахтин, «онтологически культура есть не что иное, как внесение в мир смысла». Смысл, можно сказать, гуманизирует культуру, освящает ее, высвечивает ее главные достижения. «Банком» смыслов выступает концептосфера языка, а также система гумани-

тарной культуры, тексты которой концентрируют коллективный опыт и результаты смыслополагания.

Следует отметить, что процесс смыслообразования в гуманитарной культуре может носить деструктивный характер, искажая пути развития и творя негативные прогнозы будущего. Кризисно-деградационная динамика смысловой сферы культуры связана в основном с антропологическими моделями, рождающимися в системе гуманитарного знания. В частности, антропологический проект «нового язычника», который существенно «потеснил» классический образ человека, зародился в недрах западноевропейской гуманитарной культуры и в конечном счете оказался сценарием «смерти человека» в его классической формуле (человека как *antroposa*, то есть существа, устремленного в сферу духа).

И в системе массового сознания в определенных условиях возникает и распространяется особый тип мировосприятия — «деградирующий», «кризисный», в пределе — катастрофический. Возникающее в период всеобщей психологической и духовной усталости, такое сознание, как справедливо отметил С. С. Хоружий, носит демобилизирующий характер: оно лишает человека смысла жизни, девальвируя базовые ценности труда, призвания, семьи, любви, счастья. На мой взгляд, именно с утратой смысла базовых ценностей связаны сегодня пессимистические настроения и прогнозы будущего. За последние два десятилетия утрачено представление о социальной справедливости — важнейшей экзистенциальной ценности, позволяющей старшим поколениям жертвовать личным во имя общего дела. Кризис смысла труда обрекает все проекты модернизации на неизбежный провал. Гедонистический беспредел и эгоистический разгул сегодняшнего времени уничтожили смысл ценностей духовности и нестяжательства, которые могли бы оздоровить общественную идеологию и создать благоприятную духовно-нравственную атмосферу.

Для культуры кризис базовых смыслов представляет чрезвычайную опасность: утрата объединяющих духовное поле культуры смыслов понижает уровень сложности культурной системы, способствует дезорганизации и деструкции социально-культурной жизни общества, ее примитивизации и в конечном счете грозит энтропией культурного организма. «Бессмысленность» разрушает основу взаимопонимания, которое возможно лишь в едином смысловом поле культуры, она разрывает национальное самосознание на взаимоисключающие модели понимания человека и мира, формулы прошлого и настоящего, проекты будущего (именно это мы наблюдаем в сегодняшней ситуации).

Смыслы играют ключевую роль не только в пространстве культуры, но и в структуре индивидуального сознания, в сфере человеческой экзистенции. Не случайно данная проблематика активно разрабатывалась не только в философии (достаточно назвать блестящую работу С. Л. Франка «Смысл жизни»), но и в системе психологического знания (в частности, эта проблематика стала ключевой в получившей всемирную известность монографии В. Франкла «Человек в поисках смысла»). Система индивидуальных смыслов

экзистенциально и ментально обусловлена: смысл открывается в горизонте мира жизни субъекта, который «выбирает» (ищет, находит) смыслы, резонирующие с его картиной мира, образами «мы» и «они», характером и остротой личностных проблем. Разрушение поля индивидуальных смыслов неизбежно ведет к деградации личности, расширяет спектр и социальную базу девиаций.

В индивидуальном плане смысл обеспечивает сущностный контакт с базовыми ценностями культуры — понимая и осозная их смысл, человек принимает их, начинает жить ими, включает их в глубины собственной экзистенции. *Смысл* в системе индивидуальной жизнедеятельности можно рассматривать в качестве посредника между личностью и истиной: он являет нам истину, свидетельствует о ней — словом, символом, смыслообразом (не случайно в системе религиозного сознания обретение высшего смысла бытия отождествляется с постижением истины (в пределе — с постижением образа Бога). Неслучайно человек в ситуации утраты смысла жизни, если он отказывается от стратегии саморазрушения (через пьянство, наркотики, суицид), идет в религию, и в основе этого выбора — не только компенсация чего-то недостающего в этом мире, но и обретение высшего смысла — в форме позитивного ответа на самый экзистенциально напряженный вопрос: а есть ли смысл в жизни и в чем он заключается?

Для понимания глубинных основ смысла необходимо обозначить базовые характеристики данного феномена, а также особенности самого процесса смыслополагания.

Первое. Проблемная детерминированность смысла и смыслополагания. В основе формирования смысла — восприятие жизненной ситуации как экзистенциально катастрофической, проблемной. Утрата важных жизненных ценностей, смысла труда, жизни в целом становится базовой предпосылкой конструирования нового смысла — жизни, любви, творчества. В смысловом вакууме возникает стремление воссоздать или сотворить новые смыслы. Именно в таком контексте мы говорим: высокая значимость осмысления чего-то. Понимание проблемности как глубинной основы смыслополагания может стать предпосылкой выхода на новый виток межкультурного диалога. В этом контексте я хотел бы привести пример изящной концепции диалога культур, которую изложил во вчерашнем выступлении В. А. Лекторский. Культуры не могут вступать в диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, социальные учреждения могут быть участниками диалога. При этом диалог нельзя вести относительно систем ценностей, принципиальных представлений о мире или религиозных догматах. Ибо все это лежит в основе идентичности индивидов, принадлежащих к разным культурам. Поэтому если культура не разрушает сама себя, ее базовые ценности не обсуждаются в этом процессе. Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов

их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире.

Второе. Понимающая природа смысла. Смысл — итог цельного знания, синтеза сердца и совести, а не только рассудка. Враг смысла — однобокая рациональность, которая умерщвляет «сердце» смысла, лишает его целостности и полноты. Следовательно, производство и постижение смыслов возможны на основе синтеза разума и веры. Невозможно творить и постигать смысловые миры культуры преимущественно рациональными способами. Духовная глубина смыслов ускользает от непосредственного восприятия, она способна «открыться» в ответ на усилие духовно-целостной личности, — на усилие, в котором интегрированы рациональные и чувственные энергии разума и души: интеллект, интуиция, вера, любовь. У П. Флоренского есть мысль о том, что познание совершается не только интеллектом, но и верой, любовью, оно становится родом общения с предметом познания, способом целостного самоосуществления человека познающего. Осмыслить — значит понять синтетически, соединив веру и разум, ум и сердце. Вера (как и любовь к носителю смыслов) в структуре смыслополагания играет фундаментальную роль. Она позволяет проникнуть за пределы вещественного, почувствовать сопричастность к истине, стать участником ее *оестествления*. Без этой энергии попытка прикоснуться к смыслу становится способом его убийства. Неслучайно сегодня парадигмы, складывающиеся в системе гуманитарного знания (в том числе и культурологическая), включают энергию веры в структуру исследовательского метода, внутри которого вера «встречается с разумом в перспективе взаимодополнительности» — они встречаются в качестве партнеров, равновеликость которых гарантируется концепцией диалога культур (эта идея убедительно звучит в тезисах А. А. Гусейнова).

Третье. Диалогичность процесса и результата рождения смысла. Смысл интерсубъективен, он обретается как *со-мысль*, то есть помысленное вместе, предстает в процессе *со-знания*, как результат реального или внутреннего диалога личности с иными носителями мысли. Смысл — это живая субстанция. Даже в системе гуманитарного знания смысл не способен предметиться: его бытие «здесь и теперь» требует постоянных усилий — интеллекта, души, воли. Если значение — это когда нечто приобретает особую значимость для меня, то смысл объединяет меня с другими, становится чем-то осмысленным и общим. Мы с вами здесь в процессе коллективного речевого ищущего смысла, соприкасаясь нашими мыслями. *Смысл* — это *со-весть*, способность услышать весть, идущую из иных времен и сфер. *О-мысливание* становится условием соборности, средством формирования культурной общности «мы», причем не только в реальной, но и в виртуальной плоскости — на уровне самосознания (в лингвистике смысл понимается как соединение, синтез значений, их интеграция, формирующая сущность, качественно отличная от компонентов). *Смысл* в этом плане можно рассматривать предпосылкой счастья (как состояния *с-части*) — не случайно проблематика смысла

и счастья человеческой жизни всегда была предметом философского знания.

В связи с этим миссия гуманитарного знания — востребовать неактуализированные смыслы, которые находятся в «запасниках» гуманитарной культуры (в ее философских, научных, духовных, художественных текстах); творить новые смыслы, восстанавливающие единство духовного пространства культуры, преемственность ее настоящего и прошлого, создавать «защитные» психокультурные практики, позволяющие современному человеку осмысленно, и не теряя смысла, продолжать существовать в этом, по сути, бессмысленном мире.

В заключение я хотел бы напомнить формулу духовной миссии Виктора Франкла, всемирно известного психиатра и психолога, автора метода экзистенциального психоанализа, узника нацистского концлагеря, который на собственной судьбе понял великую созидательную миссию смысла: «Я видел смысл своей жизни в том, чтобы помогать другим увидеть смысл в своей».

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Я согласна с выступлением Александра Петровича Маркова. Мы в Центре цивилизационных и региональных исследований постоянно говорим о том, что, кроме рациона и абстрактных исследований, существуют образ предмета и воображение. Исследователь со своим опытом, воображением всегда вкладывает в исследуемый объект собственную душу, собственный опыт. Впервые это отметили антропологи, в частности об этом писали Маргарет Мид, Тернер, который говорил, что эффект наблюдателя меняет человека, с которым ведется разговор и исследование которого происходит, потому что анкетированный отвечает на вопросы. Я сама не раз бывала интервьюером и видела, как меняется мнение человека, он улавливает мои образы, мое мнение и говорит то, что я хотела бы услышать. Речь идет о роли образов, воображения и эмоций в научном исследовании.

Второй день мы много говорим о диалоге, хотя Лихачевские чтения проходят 13-й год и все они посвящены диалогу, но только в этом году так остро, в такой болевой форме встал вопрос о том, что такое диалог и возможен ли вообще диалог культур. Диалог культур прежде всего предполагает анализ того, какие культуры участвуют в нем, потому что все культуры разные. Хантингтон разделил культуры на сильные и слабые, в частности японскую культуру он назвал сильной, а африканские — слабыми. Этот вопрос прояснили антропологи, такие как Кребер в своей работе «Конфигурации культуры», Гирц, Рут Бенедикт и др. Кребер, например, определил сильную культуру как жизнеспособную, способную находиться в активном диалоге, то есть противостоять другой стороне, сохранять свою самость во взаимодействии с другой культурой. Жизнеспособность и жизнестойкость являются основанием диалога, если в диалог вступает слабая и сильная культуры — результат предсказуем.

Я работаю в Институте Африки, занимаюсь исследованием Мадагаскара и русского зарубежья. Объездив пол-Африки, могу с сожалением констатировать: большинство африканских культур тихо вымирает. Молодое поколение африканцев, с которым я общаюсь (прежде всего аспиранты), уже стыдятся своей культуры. Статистика показывает, что каждый африканец, имеющий минимум образования и минимум денег на билет, мечтает уехать в Европу, причем инженеры, врачи готовы работать уборщиками, механиками, но на Западе. Африканские культуры в этом плане имеют очень печальное будущее, если не произойдет чего-то экстраординарного.

Когда речь идет о диалоге, встает вопрос о разделении культур на традиционные и техногенные. Я думаю, что такое жесткое деление не должно существовать. Например, Степин говорил о том, что в Японии произошла смена традиционной культуры техногенной. На мой взгляд, такой замены не происходит. В Японии сильная культура, и произошло следующее: она усвоила востребованные ею технические достижения, технические ценности и приумножила их, сохранив при этом свою традиционную культуру, традиционный образ жизни, обычаи, поклонение императору и пр.

Мадагаскар демонстрирует поразительные результаты диалога, когда происходит поглощение одной культуры другой, вступающей с ней диалог, усвоение ее ценностей при сохранении своей самости. Что происходит с Россией? Почему в нашей стране столько людей, столько интеллигентов, готовых усваивать западные ценности? В любой момент они готовы уехать на Запад. Почему уезжают выпускники наших вузов, а если не уезжают, то мечтают уехать? Почему весь мир пополняется русскими людьми? Русская культура сильная или нет? Конечно, я не могу назвать ее слабой, но особенность русской культуры заключается в том, что ей нужна пограничная ситуация, момент истины, тогда проявляются все ее жизненные силы, эмоции. Это смута, две отечественные войны, когда на второй план отходит все остальное и напряжение показывает, что это сильная культура. Сейчас нет пограничной ситуации, и культура, к сожалению, подавляется западными ценностями, кощунством, масскультурой, которая на самом деле культурой практически не является. В. Т. Третьяков был прав, когда говорил: кого больше показывают по «ящику» — тот и победитель, это действительно так.

Диалог имеет множество сценариев. Диалог сильной и слабой культур — это диалог-капитуляция. То, что произошло с Африкой, — капитуляция. Диалог двух сильных культур имеет разные сценарии. Это может быть уважительный диалог двух свободных культур, они могут воздействовать друг на друга, что-то получить друг от друга, но, как правило, одна из культур всегда имеет более агрессивные намерения, чем вторая, и происходит борьба. Этот диалог перерастает не просто в конфликт, а иногда в кровопролитную борьбу.

Отдельная тема — Мадагаскар и колониализм. Существует миф об ужасах колониализма, сегодня африканцы вспоминают колониализм как «золотой век». Колонизаторы обеспечили высокое материальное

благополучие, они строили социальное жилье, открывали школы, госпитали, лечили африканцев, которые не знали о современных формах лечения, до этого их лечили только знахари. И единственная жесткость колониализма проявлялась в одном — в культуре. Потому что колониализм нес цивилизаторскую миссию, аборигенам давались все блага, кроме культуры. Культура не уничтожалась, но создавались такие условия, когда культура унижалась. И когда не было выбора, сами африканцы, а не миссионеры сжигали фетиши, становясь христианами, но большинство из них было двоеверцами.

Что произошло на Мадагаскаре? Две франко-малагасийские войны, во второй войне — поражение, провозглашение колониальной администрации, установление французского языка и французской цивилизации со своими принципами. После этого началось кровопролитное восстание, которое продолжалось 19 лет (500 тыс. погибших). То есть диалог двух сильных культур может выразиться в кровопролитной борьбе. Восстание было подавлено. Колонизаторы всячески пытались воздействовать на малагасийскую культуру и цивилизовать ее. Они сократили гуманитарное образование, в школах прекратилось преподавание таких дисциплин, как история, малагасийский язык, литература, фольклор. Вспыхнуло новое кровопролитное всеобщее восстание, люди боролись за свой язык, свое прошлое, свои гуманитарные ценности. Диалог может быть и таким. Колонизаторы отступили, аборигены ввели в школах географию, малагасийскую историю, малагасийский язык. До сих пор в каждой малагасийской газете существует цензура, страхующая от засорения малагасийского языка английскими и французскими заимствованиями.

Я постоянно мысленно провожу параллель с русской культурой, мы молчим, а у нас уничтожается гуманитарное образование. В списке обязательных для чтения книг, который опубликовало Министерство образования, есть Улицкая, но нет Щедрина и т. д. Об этом нужно говорить, но мы молчим. У нас нет сильного яркого протеста интеллигенции, учителей, родителей. В школах сокращается время на изучение истории, русского языка. Когда наши ученые говорят на русском языке, мы мысленно их переводим, а простой человек многого не поймет, потому что много иностранных терминов. Ему кажется, что чем больше в речи иностранных слов, тем он выглядит умнее. Но разве это так? Значит, наш язык нам не дорог. Я постоянно сравниваю судьбу России с судьбой маленького острова Мадагаскар, и все время не в нашу пользу.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Игорю Николаевичу Панарину.

И. Н. ПАНАРИН: — Я оттолкнулся от выступления Александра Сергеевича Запесоцкого, призвавшего переходить к практике. В частности, мне помог Александр Петрович Марков, который говорил о смыслах и ценностях.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) объединяет 6 стран, в том числе Россию, а также Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Армению и Белоруссию. У этих шести стран должны быть общие ценности и смыслы. Возникает практический вопрос: как их сформировать? Двадцать лет после развала Советского Союза организация была аморфной, но в декабре 2012 года было принято решение о создании коллективных войск ОДКБ: единых вооруженных сил, системы ПВО, сил специальных операций, включая спецназ Главного разведуправления, ФСБ, СВР, Госнаркоконтроля, МВД и ряда силовых структур, в том числе МЧС.

Возникает вопрос: на каких ценностях и смыслах должна формироваться единая оборонная политика. Чем отличается ОДКБ от НАТО? НАТО — только военно-политическая организация, в рамках ОДКБ мы боремся и с нелегальной миграцией, наркотрафиком, выполняем ряд других функций, которые кардинально отличаются от функций блока НАТО. Чтобы решить эти задачи, было принято решение о проведении скоординированной информационной политики.

После выступления предыдущего оратора, который сказал, что в школах почти не изучают Пушкина, возникает вопрос: на чем строить эту общность? Предыдущие докладчики говорили, что отсутствует пантеон героев. Как выстроить всю систему?

В декабре 2011 года главами государств было принято решение о проведении скоординированной информационной политики. Возникла проблема формирования единого пространства. Мы пришли к пониманию необходимости создания новой структуры. 11 марта 2013 года была создана аналитическая организация ОДКБ, я являюсь ее координатором (человеком, который организует эту деятельность), а председателем Совета — генеральный секретарь ОДКБ Н. Н. Бордюжа. В эту структуру вошли Российский институт стратегических исследований (классическая аналитика) и все крупнейшие ведущие аналитические центры при главах государств и т. д. Второе направление — это Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и аналогичные социологические центры ведущих стран.

Впервые за последние 20 лет были проведены социологические исследования в Киргизии (центр «Эльбикир»). Мы с радостью узнали о том, что 57 % населения Киргизии (русские, узбеки и киргизы) положительно оценивают деятельность ОДКБ и лишь 5 % — негативно. Это достаточно высокая оценка. Напомню, что Киргизия — это особая страна, в течение XXI века там произошли два переворота. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов также вошел в аналитическую ассоциацию. 26 марта 2013 года мы впервые в Бишкеке провели круглый стол, на котором собрались политологи-эксперты. В ходе дискуссии возник спор с Н. Г. Багдасарьян об «имперскости/не-имперскости». На том круглом столе собрались и либералы, и государственники, и эксперты, это было наше решение — собрать все диаметрально противоположные точки зрения. Но — ключевой момент — все

подчеркивали, что именно гуманитарный аспект является основным, а не военный и др.

И в этом смысле мое выступление — это призыв к началу диалога, выстраиванию системы ценностей, которую, безусловно, необходимо формировать. На мой взгляд, понятия диалога культур и цивилизаций, дружбы народов должны стать основными. Здесь представитель Ставрополя говорил о разности Северного Кавказа и России, но есть еще и Таджикистан, Киргизия, возникает много этнических, религиозных проблем, поэтому необходимо формировать определенную базу.

В этом ключе я хочу рассказать о стратегической линии. ОДКБ впервые участвует в Лихачевских чтениях, генеральный секретарь планировал присутствовать здесь, но по ряду причин не смог. Мы рассматриваем Лихачевские чтения как некую платформу, базис для выработки гуманитарной политики ОДКБ.

Еще один важный аспект. В Петербурге два раза в год собирается Парламентская ассамблея ОДКБ. Недавно в состав наблюдателей ОДКБ были приняты два государства, не входившие в состав бывшего Советского Союза, — это Сербия (Балканский полуостров) и Афганистан. К сожалению, наши средства массовой информации уделили этому событию крайне мало внимания. С точки зрения расширения географии бывшего постсоветского пространства это крайне интересный факт. Речь идет о расширении пространства ОДКБ до Балканского полуострова и выходе за пределы Центрально-Азиатского региона. В 2014 году мы вступаем в очень сложную фазу — вывод войск НАТО из Афганистана, здесь существуют риски и угрозы для Центральной Азии и Кавказа.

Завершая свое выступление, скажу, что с удовольствием послушал выступления, с кем-то мы спорили. Я предлагаю мыслить в конструктивном ключе: мы приглашаем принять участие в мероприятиях, проводимых ОДКБ. 30 мая состоится круглый стол «Безопасность и блогосфера», на котором соберутся силовики всех спецслужб России и представители всех стран ОДКБ, эксперты. Затем пройдут встречи в Минске, Ереване, Алмате и т. д. Цикл мероприятий распisan. Я надеюсь, что с вашей помощью мы выработаем универсальные нетеоретические подходы, которые могли бы стать некой основой цементирования пространства ОДКБ на взаимоприемлемых ценностях и смыслах.

Участница из Киргизии, пережившей две революции, сказала, что полностью отрицает державный подход, но считает, что должен быть диалог культур. Я благодарен ведущим дискуссии, которые создали позитивную ауру для нормального диалога, и надеюсь, что на будущих Лихачевских чтениях мы представим некий документ, который при первом приближении можно назвать «Ценности и смыслы ОДКБ», чтобы обсудить его в широком кругу, для того чтобы его потом использовать в практической деятельности.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Неретинной.

С. С. НЕРЕТИНА: — Я согласна с Константином Семеновичем Пигровым в том, что часто мы упо-

требляем слова в непонятном значении. Например, используем слово «искусство» по отношению к тому, что не хуже искусства, но искусством не является. Мы употребляем слово «культура» по отношению к тому, что не хуже культуры, но культурой не является. Мы хотим отвергнуть масс-субъекта. Между тем это основная проблема современности — субъект современной истории. И в этой масс-субъектности появляется ситуация, которую в свое время выразил Юрий Петрович Любимов, когда ставил «Пиковую даму»: он перед каждым хористом ставил микрофон, и тогда с помощью техники все могли услышать любого человека из хора.

Ток-шоу, которые транслируются СМИ, отвратительны не потому, что таковы ток-шоу, а потому, что бездарны их руководители. Но что мы хотим увидеть? Мы увидим индивида, который желает высказаться, но оказывается в ситуации, будучи не вовлеченным в коммуникацию. Эта невовлеченность в коммуникацию — одна из важнейших проблем современности. Мы живем не в каменном веке, а сейчас, и должны иметь дело с современными людьми.

Говоря о современной бездуховности, а сегодня прозвучали эти слова, мы пытаемся определить, что такое духовность. Но термины «бездуховность» и «духовность» нам как бы навязываются извне: мы обязаны с ними работать. Но термин — всего лишь термин, заметка на пути, если ты идешь по тому пути, где она стоит, но ты можешь идти по другому пути. Часто люди пытаются определить, где такого термина нет, но термин словно заставляет человека идти за собой, доказывая его несамостоятельность. О современной культуре с ее бедами и напастями можно говорить, минуя его, тем более что термин в нашей стране обладает сугубой религиозностью.

Работать в метафорических терминах не менее духовно, чем с термином «духовность». К тому же, как показывают многие опубликованные материалы, под духовностью чаще всего понимают наше прошлое. Мы сейчас ни одного нового термина не придумали. Мы работаем с прошлым, и поэтому предполагают, что до момента принятия в России христианства, действительно великого события, никакой духовности не было.

Методологическим основанием выяснения причин духовности или бездуховности объявляется диалог, и мы сегодня об этом говорили. Диалог — странное явление, он вроде бы есть и его вроде бы нет, все можно заболтать, а можно выявить предельные основания мысли, чтобы довести понятия до полного самовыражения и исчерпания. Именно это делали Библер, Михаил Константинович Петров. Я благодарна Владиславу Александровичу Лекторскому, который опубликовал их работы. Это означает одно: мы свое дело сделали, а значит, должны ожидать голоса извне? Что мы должны осознать?

Ойген Розеншток-Хюсси сказал, что в кризисные периоды, а мы живем в кризисный период, общество поражают анархия и декаданс, здесь нужно не плакать, а понять, что мы сейчас живем в этой ситуации. Эта ситуация означает отсутствие речи, поскольку в катастрофе утрачивают силу все старые традиции,

здесь происходит не только захват мира, но и потеря обретенного опыта, и даже если находятся люди, желающие передать нечто из прошлой традиции, их слова или лишены силы убеждения, или вообще какой-нибудь силы, поскольку отсутствует сам предмет разговора. Мы хотим, чтобы он был, а его уже нет, и нас не слышно.

Ситуацию, о которой я хотела сегодня рассказать, я обозначила как фантомные боли современной философии, потому что мы утратили гуманитарность, опорный естественно-научный аппарат, даже тех людей, которые защищали старую философию. Мы оказались в ситуации ничто. Что вы хотите от молодых людей, которые стремятся опереться на западную философию? Я дала I курсу задание написать сочинение на тему «Что такое философия?» Когда я прочитала эти сочинения, была удивлена, потому что одна из студенток, уже отчисленных, написала: «Я испытываю жажду ноэмы» (не знаю, откуда она знает это слово). Почему мы от молодой девушки 17 лет требуем знания значения этого слова? Ее потрясло само слово, она хочет узнать основания того, что мы с вами утратили. Мы все время находимся в ситуации, будто философия — это набор схем, но мы должны иметь мужество следовать за мыслью, даже не зная, куда она нас приведет. Она может привести в неведомое, никаких схем, никаких опор здесь не существует, мы должны быть готовы к этому.

Философия, как и любая теория, предполагает постоянные изменения, деформацию собственной мысли, ибо, обращаясь к началам, я не знаю, что там обнаружу. И эта травма называется утратой «что». У нас все энциклопедии описывают, что такое «ничто» и даже «нечто», но слово «что» отсутствует, это утрата дотошно-вопросания, не связанного только сущностью, когда это «что» превратилось в «квиддигас» с желанием увидеть и понять нечто, всегда ускользающее. Самым таинственным оказывается «что».

Мы сегодня говорили о том, что такое культура. Это смыслы, а это значит, что мы действуем по старинке. Жак Деррида говорит о том, что разница между обозначающим и обозначаемым постоянно смещается.

В. А. ТИШКОВ: — К микрофону приглашается профессор Константин Семенович Пигров.

К. С. ПИГРОВ: — Попытаюсь поддержать тех, кто задает альтернативу настроения, и поэтому мой эпиграф будет такой: «Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв». Культура обнаруживается тогда, когда она сама — цель. Люди занимаются литературой, искусством, физикой и математикой не потому, что они надеются повысить производительность труда. Я заготовил две замечательные цитаты: одна принадлежит Альберту Эйнштейну, другая — Ньютону. Речь идет об эссе Эйнштейна «Мотивы научного исследования», где он вслед за Шопенгауэром говорит, что «одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и пустотой». Вторая цитата — это известное изречение Ньютона: «Не знаю,

чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу...»

Итак, цельность культуры — это самое важное, и, кстати говоря, именно цельность оказывается наиболее практичной. Конев говорил о том, что хорошая теория практична. Но именно сама цельность культуры и ее самодостаточность и дают основания для того, чтобы в лихую годину можно было к ним обратиться. В этих высказываниях великих физиков о культуре я хотел бы обратить внимание на фундаментальность несоизмеримости задач и человеческих возможностей в культуре.

Таким образом, культура (явно или неявно) обязательно включает иронию, которая здесь понимается не в узкоповседневном смысле, а в философском. Существуют две иронии: одна — ирония Сократа, это и есть философская ирония, а другая — ирония Ксантиппы. Когда я читаю эссе Александра Блока об иронии, то слышу голос Ксантиппы. Речь идет о философской иронии. Ирония, юмор и смех тесно связаны, смех прежде всего над самим собой. Невозможен гуманитарий и культурный человек вообще, если он принимает мудрый вид и взирает на мир с серьезным и скорбным выражением лица. Культурные люди должны улыбаться тогда, когда невозможно не заплакать. Мы иронизируем не только по отношению к самим себе, но и по отношению к Абсолюту.

Хотел бы напомнить, что сегодня происходит не только глобализация, но и фундаментализация. Посмотрите на судьбы стран Ближнего Востока, Россию и то место, которое занимает в ней Русская православная церковь. Здесь наблюдается определенный перекосяк, и фундаментализация — это наша проблема. Мы с помощью философии иронизируем надо всем, но за нашей улыбкой всегда таится меланхолия, не депрессия. От меланхолии, в отличие от депрессии, таблеток не существует. В этом плане можно говорить о нашей обреченности на меланхолию, которая таится в иронии по отношению к самим себе. Разум ироничен, а рассудок скорее идет по циническому пути. Рассудок — это путь сведения субъекта к объекту. Можно в качестве примера привести слова Базарова: «Одно знаю, я умру, и из моей могилы лопух вырастет». Но не будем осуждать Базарова, его ирония тоже, в сущности, высокая. Спор Базарова и Павла Петровича неразрешим в принципе. Поэтому я не думаю, что сегодня Базаров победил бы в споре Павла Петровича.

Гуманитарная наука возродится, я совершенно спокоен за судьбу и гуманитарной культуры вообще и русской культуры в частности, потому что здесь представлены мощные стихии. Они непобедимы, потому что в культуре мы существуем вне времени. В культуре можно говорить не о прогрессе, а о движении вперед. Если нет времени, то зачем торопиться? Медленное чтение филолога и философа — это слова Ницше, которые повторил Лихачев.

С этой точки зрения самый главный смысл иронической культуры заключается в терпении, которое освещается в высокой иронии. Но одной иронии недостаточно, речь идет о другом измерении — о любви, я имею в виду не отношение человека к человеку.

В этом контексте я говорю о любви к произведениям культуры и артефактам, я думаю, что это важнее, чем знание о них. Профессор Праздников возмущался тем, что школьница полагает, что «Героя нашего времени» (она считает этот роман замечательным произведением) написал Гоголь. Но я думаю, что это не страшно, потому что любовь стоит неизмеримо выше равнодушного ведания ремесленника, архивариуса. И если есть любовь, то знания в конце концов придут, знание есть функция любви в большей мере, чем любовь — функция знания. И любовь к артефактам культуры бескорыстна, находится по ту сторону меркантильных выгод или удовлетворения тщеславия. Подлинное отношение к культуре предполагает, что мы не для того читаем, чтобы что-то написать.

В юности я думал: прочту классиков и напишу что-нибудь «миропотрясающее». Нет, мы для того читаем, чтобы что-то написать, мы для того пишем, чтобы понять, что мы читаем. Это великая культура, которая, как океан, о котором говорил Ньютон, расстилается перед нами. Советский поэт в веселом отчаянии воскликнул: «Ну пусть писателя не вышло, зато читатель мировой». Это и есть, как мне кажется, фундаментальная ироническая и любовная позиция, которая задает основания культуры.

Здесь я хотел бы напомнить о посмертном произведении Борхеса «Семь вечеров», в котором он рассказывает о своей бесконечной любви к великим литературным произведениям. Самозабвенная любовь к книге протекает на фоне высокой супружеской любви его к Марии Кодама. Здесь намечаются пути выстраивания человеческих отношений вместе с любовью к артефактам культуры, которые прекрасны. Слезы в современном обществе не поощряются. Но когда я вижу, как венгр, получивший импринтинг русской культуры, говорит, что у него наворачиваются слезы при исполнении кубанским казачьим хором марша «Прощание славянки», я думаю, что эти слезы и есть суть культуры.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — Позвольте рассмотреть вопрос о классических художественных ценностях, их существовании в современном смысловом пространстве культуры. Острота этого вопроса связана, во-первых, с тем, что классика сегодня по умолчанию кажется всем известной, понятной и не требует каких-либо размышлений и доказательств. Второй не менее острый момент связан с тем, что классика сегодня внедрена во все сферы нашей жизни, сегодня говорят о классической обуви, классических банках, пряниках, конфетах. Проблема классики в искусстве заключается не только в том, чтобы составить список необходимых для знания сочинений, сколько в том, чтобы понять механизм внедрения в современную культуру и, главное, необходимость классики в современном мире. В поисках методологических ключей, объясняющих необходимость классики, я хочу обратиться к четырем понятиям, сформулированным не в связи с классическим искусством, но открывающим много для его понимания.

Первое понятие — «участное мышление», «участное переживание». Это понятие употребляет М. Бахтин в книге «Философия поступка». Все общезначимые ценности имеют значение только лишь в индивидуальном контексте, частным образом и как лично пережитое, говорит Бахтин. И классика ценна не тем, что знают Чайковского, Муссорского, Моцарта, а тем, что вместе с этими авторами мы можем пережить богатый духовный опыт.

Второе понятие, также извлеченное вне связи с классическим искусством, но имеющее методологически важное значение, — концептосфера. Как известно и сегодня уже говорилось, это понятие ввел Дмитрий Сергеевич Лихачев по аналогии с «ноосферой» и «биосферой». Для понимания классики имеет принципиальное значение то, что говорит Дмитрий Сергеевич о концептосфере как фундаментальном свойстве языка. Скучный опыт концептосферы человека лишает возможности моментально включать цепь ассоциаций, и наоборот, для человека, живущего в богатой концептосфере, потенциальная возможность его языка открывает широкое пространство смыслов. Д. С. Лихачев отмечает: диалог концептосфер, полноценный и многозвучный, возможен лишь тогда, когда человек обладает богатым внутренним опытом.

Третье понятие, которое мне кажется принципиальным для понимания классики, я нашла в блестящей статье В. А. Конева «Метрика пространства человеческого бытия». В этой статье Владимир Александрович говорит о том, что главным принципом существования человеческого бытия является развлечение, а мерой существования в этом пространстве — граница сакрального и профанного, своего и чужого, индивидуального и всеобщего. Именно граница позволяет человеку ориентироваться в пространстве, этот ориентир дает фундаментальный классический опыт.

Четвертое понятие, которое также изначально вне связи с классическим искусством входит в наш научный мир, — это символ, который объясняет Ю. М. Лотман. Определяя его, Юрий Михайлович Лотман всегда имеет в виду что-то архаическое и добавляет: каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики. Именно функцию архаики священного текста выполняет классическая художественная традиция, которая фундаментальным опытом, проверенностью временем дает возможность человеку понимать все новое и динамически развивающееся в искусстве.

Моисей Самойлович Каган определил культуру как ценностно-смысловую иерархию. Среди множества определений, как мне кажется, оно является принципиальным. Когда мы включаем классику искусства в ценностно-смысловую иерархию, то становится понятно, где искусство, а где его имитация.

В. А. ТИШКОВ: — Прошу выступить Бориса Григорьевича Юдина.

Б. Г. ЮДИН: — Мой друг психолог Эдуард Глебович Алексеев (ныне уже покойный) критически высказывался по поводу работы Выготского о кризисе в современной психологии. По его мнению, это такое

мышление, которое везде видит приметы кризиса. За 70 лет многое изменилось, но оставалось неизменным то, что я постоянно жил в ситуации кризиса.

Кризис — это методологическое средство для описания современной действительности. Почему современной? То, что я воспринимал как кризис в 1960–1970-е годы, сейчас представляется беспроblemным существованием. Кризис обступил нас со всех сторон. Но кризис — это необязательно катастрофа, и может быть, сохраняется оптимизм.

Теперь несколько слов по поводу диалога культур. В свое время Кант сказал: «Для того чтобы лучше узнать свою страну, надо путешествовать по другим странам». Мне представляется, что понятие диалога предполагает многое. Когда мы вступаем в диалог с другой культурой, то тем самым стремимся лучше понять собственную культуру. Диалог культур — это скорее методологический инструментарий.

Тема моего доклада связана с трансгуманизмом, с тем, как я его интерпретирую. Это попытка выстроить диалог не между двумя культурами, существующими в одно время, а между культурами сегодняшней и будущей. Это попытка понять нас сегодняшних, которые продуцируют трансгуманистические проекты. Здесь уже упоминалось об антропологическом кри-

зисе. Мой друг философ Дубровский полагает, что антропологический кризис дошел уже до того, что необходимо стать транс- и постчеловеком, иначе человек будет противоречить познавательной и производительной активности. Все рушится, в частности в экологии наблюдается уже не кризис, а катастрофа. Единственный выход — переходить на позицию трансгуманизма.

В. А. ТИШКОВ: — Благодарю всех участников сегодняшнего заседания! На мой взгляд, работа нашей секции была плодотворной, интересной. Хочу обратиться к присутствующим здесь студентам: не воспринимайте слишком серьезно все, что говорили сегодня ученые, у которых наблюдается серьезный кризис в понимании современной России. Мы живем в одном из красивейших городов мира, где много людей посещают театры, музеи. За последние 20 лет СПбГУП стал одним из самых комфортных высших учебных заведений, с богатым содержанием. Никогда не отвергайте сегодняшний день, современную жизнь. Желаю вам успехов!

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня состоялось интересное обсуждение, я узнал много нового, есть о чем подумать. Благодарю всех участников!